Артефакт
детектив

Марк Шагал рисовал ангелов и влюбленных. Но существует неизвестная картина художника, где ангел превратился в демона...

ОЛЬГА ТАРАСЕВИЧ

Плачущий ангел Шагала

ЭКСМО

Ольга Тарасевич

Плачущий ангел Шагала

Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165344
Плачущий ангел Шагала: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23245-1

Аннотация

Белый ангел – любовь. Синий – грусть, розовый – нежность. Зеленый – цвет зависти и ненависти. Художник Марк Шагал подарил нам свой мир со светлыми ангелами и влюбленными, парящими над землей. Но спустя десятилетия из-за одной его неизвестной работы стали совершаться преступления. Расследуя убийство московского антиквара Ивана Корендо, следователь Владимир Седов понимает: эта смерть – лишь одно из звеньев кровавой цепи. Ради картины Шагала преступник готов на все. Писательница Лика Вронская начинает догадываться, кто идет к своей цели по трупам, но уже слишком поздно изменить ситуацию. Зеленый ангел превратился в демона. Он не ведает жалости…

Содержание

Пролог 4
Глава 1 9
Глава 2 51
Глава 3 94
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Ольга Тарасевич
Плачущий ангел Шагала

Моим любимым мамочке и папочке

Все события вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Пролог

В одно мгновение все куда-то исчезло: тело, вещи. Растаяли. Растворились, стали бесплотными, неосязаемыми. Его впалая грудь, сутулые плечи, светло-рыжие редкие волосы, с которых вечно сыпалась перхоть. И поношенный мышиный костюмчик, и постоянно расстегивающийся портфель. Ничего этого больше не было!

Невероятное всепоглощающее счастье подхватило Юрия Петренко. Закружило вихрем над голубой веной своенравной Двины, оранжевой башенкой ратуши, пластмассовым оскалом Летнего амфитеатра. Потом вдруг, как картинки в калейдоскопе, замелькали кварталы старого Витебска. Революционная улица, Октябрьская, Покровская… Сверху домики, вытянувшиеся вдоль вымощенных булыжником переулков как часовые, казались трогательно-игрушечными.

Внезапно черное небо разорвалось и затрещало фейерверком искр.

– Бывает же такое, – едва слышно пробормотал Юрий. И, потирая ушибленный лоб, обошел черный металлический фонарь, протягивающий в ночь пригоршню дрожащего света.

Очнувшись от грез, мужчина с любопытством осмотрелся по сторонам. Родной город, даже днем томно-сонный, этой ночью спал особенно крепко. «А может, мне попросту приснилось, что я парю над Витебском, как герои картин Шагала? Эти его летающие влюбленные, скрипачи, коровы, – подумал Петренко и замедлил шаг. Дробь торопливой походки мешала ему рассуждать. – Я много времени проводил в архивах. Слишком большое количество литературы о Шагале пришлось изучить. Неудивительно, что вдруг возникло такое потрясающее чувство полета. Или это деньги так крышу сорвали?»

Денег у Юрия было много. Плотные пачки стодолларовых купюр едва умещались в старом портфеле.

Сто тысяч долларов! Подумать только!

Никогда ему не доводилось держать в руках такие деньжищи. И он представить даже не мог, что столь огромная сумма вдруг окажется в его единоличном распоряжении.

«Платок надо матери купить, – рассуждал Петренко, – непременно чтобы с бахромой и яркими узорами. И стиральную машинку, такую, где только на кнопочки нажимать нуж-

но.

С отцом все ясно. Спиннинг хороший, из магазина «Рыболов и охотник», батяня на витрину давно заглядывается. А Любе…»

Сердце дрогнуло, заболело, сбилось с ритма. Так всегда случалось при мыслях о Любе. Юрий нерешительно остановился. Разве этим женщинам угодишь с подарками? Тем более таким красавицам, как Люба. Как Любовь Андреевна, с деланой строгостью подчеркивает бывшая одноклассница. А серые глаза за очками в тонкой оправе ее выдают, отражая смех и лукавство.

Нет, пусть для учеников она будет Любовью Андреевной. А для него – Любочкой, Любашей. И подарок ей вовсе не требуется. А нужно… Ну конечно! Замуж ее надо позвать, только так.

«Теперь есть куда звать, – подумал Юрий и нежно погладил бочок портфеля. – Все, закончилась холостяцкая жизнь в общежитии. Квартиру с Любой купим, детишки пойдут. Все у нас будет просто отлично».

– Просто отлично, просто отлично, просто отлично…

Он твердил это, как заклинание, но оно не помогло. Случилось именно то, чего Юрий так опасался. Стыд жаркой волной окатил его усыпанные веснушками щеки, смочил спину липким потом и напоследок сдавил грудь.

Кирилл. Друг, коллега, сосед по комнате. Талантливый ученый. Сердцеед, ловелас. Но – честный, открытый, ис-

кренний. Душа, кошелек, гардероб – все нараспашку. А он с Кириллом так подло обошелся! Предал. Подставил. Воспользовался результатами его работы.

– Ничего, цел будет, – со злостью прошептал Юрий. – С такими мозгами и внешностью не пропадешь. Мне о себе думать нужно. И Любочка на него заглядывалась…

Как всегда, окна общежития ярко светились. И, как обычно, Юрий отметил темный квадрат на первом этаже. Сосед по комнате редко ночевал в общаге. Из-за огромнейшего количества приглашений от симпатичных девушек странным казалось то, что Кирилл изредка все же появлялся в общежитии.

Идти в здание через центральный вход Юрию не захотелось. Уже поздно. Разумеется, вахтерша его пропустит. Но придется из вежливости спросить, как у нее дела, потом выслушивать абсолютно неинтересные подробности. Вот он, самый лучший вход, – открытое окно. Ночи стоят теплые, красть в комнате абсолютно нечего…

Он забросил портфель на подоконник, подтянулся и, несмотря на отсутствие света, вдруг понял: внутри помещения кто-то есть.

Еще бы мгновение – и Юрий бросился прочь, назад на улицу, в спасительный луч фонаря-прожектора, висевшего у входа в общежитие.

Но что-то тяжелое вдруг обрушилось на затылок. Боковым зрением Петренко лишь успел заметить, как бомж, со-

биравший возле кустов бутылки, замер с открытым ртом.

Потом наступила абсолютная темнота.

Глава 1
Витебск, 1906 год

– Мошка! Мошка!! Мошка-а-а!!!

Устав кричать, Фейга-Ита вернулась в дом. Вскоре до Мойши Сегала,[1] примостившегося с блокнотом и карандашом в тени яблонь, донеслись голоса соседок.

– Какая селедочка в вашей бакалейной лавке!

– Жирная! Вкусная! Так и тает во рту!

Мать хлопотала, взвешивая селедку. Потом сразу же кому-то понадобились сахар и свечи.

…Мойше всегда нравилось наблюдать, как Фейга-Ита, невысокая, полная, все время находится в движении. То она суетится на кухне, и из печки вкусно пахнет приготовленными к Шаббату кушаньями. То качает люльку. В ней всегда сопит, сжав крохотные кулачки, малыш. Мойша помнит их всех – восьмерых братьев и сестер. Писклявые комочки, которые позднее становятся шустрыми товарищами. Мама всех растит. Всех кормит. И, едва звякнет колокольчик над дверью, несется прочь из кухни. Вместо прихожей в их маленьком домике на Покровской улице – бакалейная лавка. Мамочка бежит к покупателям, отпускает товар, пересчитывает деньги, дает сдачу. Устав, ерошит его волосы:

---

[1] Мойша Сегал – настоящее имя художника Марка Шагала.

– Поговори со мной, Мошка!

Мойша молчит. Хочется сказать, что мамины ангелы розового цвета. Но он стесняется. Ведь смех Фейга-Иты после таких замечаний не умолкает долго, и возле светящихся добротой маминых глаз появляются лучики морщин.

Конечно, жаль, что мама ему не верит. Ведь ангелов на самом деле так много. Они парят над крышами домов родного Витебска, кружатся над Двиной, с удивлением рассматривают зеленые верхушки деревьев.

Первый раз Мойша увидел ангелов в доме дедушки.

Сверкнул острый нож, и, вздрогнув, коровка испустила дух, дед ловко управился с вытекающей кровью. И вот уже лежат в тазу куски дымящегося парного мяса.

«Я не буду тебя кушать», – обещает Мойша разделанной туше.

И не сдерживает это обещание. Бабушка так уговаривает внука попробовать тушеного мяса. Кусок застревает в горле, но… Бабушка, милая, родная, как ей отказать.

Весь двор заполнен коровьими шкурами. А над ними летают души убитых коровок. Ангелов много, очень много. Увидев их впервые, Мойша перепугался до смерти, мороз прошел по коже, страх сдавил горло. Но ангелы, белые, прозрачные, приветливо взмахивают крыльями и растворяются в черной свежей ночи, становятся звездами, далекими, дрожащими.

А папины ангелы – другие. Темно-синие, уставшие, они

грустно кружатся над сидящим за столом отцом. В длинной папиной бороде, в волосах, на одежде – везде мерцают селедочные чешуйки.

По вечерам мама пододвигает к отцу горшочек, в нем вкусно пахнущее жаркое. Жаркое – только для папы. Он работает грузчиком в селедочной лавке, ворочает тяжелые бочки. Рассол заливает одежду, соль и чешуя, кажется, намертво впитались в папу, не отмыть, не избавиться. Хацкель[2] засыпает за ужином. Он так устает, что вечером лишается всяких сил. Только при взгляде на детей на его губах иногда мелькает едва уловимая улыбка.

Ах, как же горько смотреть на папины руки – мозолистые, распухшие.

Хацкель набрасывает талес, открывает Тору. Но, прочитав буквально пару строк, клюет носом, начинает посапывать. Тогда Фейга-Ита наскоро дочитывает молитву, задувает стоящую на столе свечу, и кухонька погружается в желтый полумрак. Тусклый свет керосиновой лампы рисует тени на выбеленных стенах.

Рисует…

Мойша долго не знал, что это такое – рисовать. В хедере преподавали идиш, иврит и Тору. Ходить в синагогу, отмечать Пурим, Суккот и Йом-Кипур,[3] молиться – все это было

---

[2] Отца художника звали Хацкель Мордухай. Позднее в биографиях его имя стали указывать как Захар.

[3] Еврейские религиозные праздники.

так же естественно, как дышать. Лишь когда мама отвела его в гимназию, а потом вышла к Мойше, сидевшему у кабинета директора, взволнованная и раскрасневшаяся, он впервые услышал что-то непостижимое. Непонятное.

– Мошка, бедный мой Мошка, – крохотный мамин подбородок задрожал, – директор говорит: в гимназию не принимают евреев. А еще он сказал, что будь его воля – он вообще запретил бы евреям жить в Витебске.

Мойша пытался осознать смысл маминых слов, но не мог. Здесь их дом. В этот, на Покровской улице, семья переехала, когда удалось скопить денег. А раньше жили в лачуге на Песковатиках. Рядом с тюрьмой и сумасшедшим домом. Мама рассказывала, что, когда он родился, в городе начался пожар. Все перепугались. И маленький Мойша перепугался и не хотел плакать, и все уже решили: не жилец. Но его положили в корыто с закругленными краями, и вот тогда он завозмущался…

Здесь все такое родное. Это его город, его река, его улочки с крышами покосившихся бедных домишек. И с роскошными магазинами, у которых останавливаются кареты и важные дамы с высокими прическами маленькими шажками идут за покупками. Как это – запретить жить?

– Потом, – решительно сказала мама, и ее руки исчезли под многочисленными складками широкой темной юбки, – потом я все тебе объясню, про погромы, про черту оседлости.

Наконец извлекла небольшой позвякивающий мешочек.

– Жди здесь, – распорядилась Фейга-Ита и, смахнув хрустальную, сбегающую в прорезь морщины слезу, вновь скрылась за дверью.

За взятку в пятьдесят рублей Мойшу Сегала приняли в гимназию. Мальчишки хихикали над его бедным потертым платьем. Но Мойша, чтобы не расстраивать мамочку, честно пытался учиться. Только вместо упражнений его рука машинально вычерчивала на обложках тетрадей то профиль соседа по парте, то мост над Двиной, то маковку церкви, возвышавшейся над одноэтажными домиками.

– У тебя, похоже, талант, сынок. И чем же мы прогневили бога, что он так нас покарал? – сказала как-то Фейга-Ита, увидев рисунки. – Должно быть, ты пошел в деда. Ах, какими красивыми фресками расписал Хаим Бен Исаак синагогу в Могилеве!

В этот момент Мойша вдруг понял, что должен стать художником. Это его дорога в жизни. Тот путь, который манит. Иначе нельзя, по-другому будет неправильно, только рисование, это единственное, что заставляет биться сердце. И непостижимое сладкое счастье затопило его всего. Малиновые рассветы и рыжие закаты. Промокшее, налившееся грозой или легкое, высокое небо. Лица, фигуры. Цвета. Все то, что заставляло замирать в восхищении. Оно создано для того, чтобы жить на картинах.

На следующий день они с мамой поехали на трамвае в го-

сти к тетушке Хаве. Но Мойша не помнил ни тетушку, ни шумных братьев и сестер, ни обед, которым угощали родственники. «Школа живописи и рисования Иегуды Пэна». Такую надпись он увидел из окошка трамвая. Просто синяя жестяная вывеска. Школа! Живописи!! И рисования!!!

Надо подготовить наброски. Поэтому Мойша, не откликаясь на зов любимой мамочки, спрятался в тени яблонь и рисует, рисует.

Конечно, папа будет недоволен. Хацкель уже видел рисунки Мойши, и на почерневшем от тяжелой изматывающей работы лице появилось выражение крайнего неудовольствия. Он напомнил, что рисование – грех, что нельзя изображать людей. Да только это, наверное, какая-то ошибка, недоразумение. Бог – это жизнь, это любовь. А жить и любить можно лишь тогда, когда небо и звезды возникают на белоснежном листе бумаги.

…– Мошка! Куда же ты запропастился!!!

– Иду, мамочка!

Мойша не идет – бежит, мчится, перепрыгивает через грядки, прижимая к груди заветный блокнот.

Он решился сказать все сразу. Прямо.

– Папа! Папочка, послушай меня. Я должен выучиться на художника!

Сестры прыснули со смеху, мама всплеснула руками, братья удивленно раскрыли рты.

Хацкель невозмутимо пережевывал мясо.

– Это станет моим ремеслом, папа, – срывающимся голосом просипел Мойша… – Я буду рисовать картины. Папочка, пожалуйста, пойми. Для меня это очень важно.

Восклицание отца – как приговор.

– Да какое это ремесло?!

– Мое…

Фейга-Ита осторожно заметила:

– Плата небольшая. Пять рублей в месяц. Может, пусть попробует?

Не произнося ни слова, Хацкель встал из-за стола. Мойша прислушивается к доносящимся из комнаты родителей звукам и мысленно рисует картины. Вот отец вытаскивает стоящий под кроватью сундук. А эти шорохи – перебирает вещи, деньги далеко, на самом дне. Наконец звон монет, папа зажимает их в ладони.

В мысленных набросках больше нет нужды.

Папа вышел из комнаты, прошел через кухню, звякнул колокольчиком над входной дверью. Мойша бросился вслед за отцом и замер. Деньги валяются на земле, в пыли. Куры косятся на желтые кругляши, им хочется подойти ближе, но страшно…

– Спасибо, папочка! – прокричал Мойша и бросился на колени.

Деньги на земле – но они есть. Пять рублей. Завтра он пойдет к Пэну!

Всю ночь Мойша ворочался с боку на бок. От волнения

не мог сомкнуть глаз.

– Да что ты крутишься! – ворчал брат. – Дай мне поспать!

Вдвоем тесно на узенькой кровати. Луна подглядывает в окошко, звенят комары, плачет младшая сестричка.

Все вроде бы как обычно. Но это особенная ночь. А завтра наступит особенный день!

Мойша плохо помнил, как мама провожала на работу отца, готовила завтрак, просила соседку присмотреть за лавкой.

Он очнулся лишь у двери с заветной синей вывеской.

– У тебя так никогда не получится, – с отчаянием прошептала мама, когда они вошли в школу, находившуюся в простом деревянном доме, и застыли у развешанных на стенах картин. – Пошли назад, сынок!

– Чем могу быть полезен?

Встретивший их мужчина выглядел именно так, как должен выглядеть настоящий художник. Невысокий, но чрезвычайно элегантный. С бородкой, в добротном сюртуке, пальцы перепачканы красками. Сразу видно – серьезный господин, очень серьезный…

Сказать, что Иегуда Пэн понравился Мойше, – значило бы не сказать ничего. Восторг, растерянность, восхищение – они сдавили грудь, мешали говорить.

– Вот!

Мойша протянул блокнот и замер. Смотреть на лицо господина Пэна, оценивающе изучавшего работы, у него не бы-

ло сил. Поэтому Мойша перевел взгляд на портрет губернатора и его супруги.

От запахов красок и холстов у него кружилась голова. А из распахнутой двери меж тем звенели-перезванивались голоса учеников. С острой завистью Мойша смотрел, как они рисуют стоящую на возвышении гипсовую фигуру.

– В ваших работах нет техники. Но… что-то в них все же есть. Вы зачислены! – произнес Пэн.

Фейга-Ита тихонько сжала ладонь сына и облегченно вздохнула:

– Хвала всевышнему!

– Идите в класс, – сказал учитель. – Сегодня вы подготовите первые графические наброски.

Мойша на негнущихся ногах вошел в пронизанную солнечными лучами комнату и вздрогнул.

Парень из гимназии, Авигдор Меклер,[4] он сидел за мольбертом возле окна и покусывал карандаш. Это чуть омрачило радость. Авигдор всегда подшучивал над ним, пару раз они даже дрались. Но теперь Меклер лишь приветственно махнул рукой:

– Иди сюда. У окна больше света.

---

[4] Позднее приятель Марка Шагала Авигдор Шмеркович Меклер подписывался Виктором Сергеевичем Меклером.

* * *

Иван Никитович Корендо смотрел на лицо спящей Даши Гончаровой и думал о том, что мог бы провести за этим занятием вечность. Было в Дашиных чертах что-то космически завораживающее. Глазищи огромные, миндалевидные, чуть приподнятые к вискам. Как нарисованные черной краской, изогнутые брови, высокие скулы, упрямый пухлый рот. Породистая девочка. Такой не надо прилагать ни малейших усилий для того, чтобы получить понравившегося мужчину. Один рассеянный небрежный взгляд – и все, попадаешь в ее сети, и отчаянные попытки вырваться приводят лишь к тому, что все глубже и глубже увязаешь в желании прикоснуться к этому инопланетному созданию.

И Иван Никитович не стал исключением. Хотя предлогов для того, чтобы остановиться, не срываться в пропасть безумной страсти, было более чем достаточно. Разница в возрасте огромная. Даше двадцать семь, ему – пятьдесят пять. Она нищая провинциалка с прижитым бог знает от кого ребенком, он – разумеется, москвич, состоятельный, известный антиквар. И, пожалуй, самое главное. Даша не так давно вышла замуж за Филиппа. Хорош отец, который спит с женой своего сына, ничего не скажешь. Ну и мерзость! Но – не изменить, не прекратить, не исправить. Наказание. Кара.

Ивану Никитовичу было особенно трудно смириться с

собственным бессилием еще и потому, что обычно это женщины от него млели, норовили втиснуться в его жизнь и в ней зацепиться. И вот, уму непостижимо – какая-то девчонка. Ведьма. Магнит. Наваждение. И никуда от него не спрятаться, не деться…

– Ты опять думаешь о том, как бы от меня избавиться? – поинтересовалась Даша, прищурив инопланетные глазищи. – Не выйдет, Ванечка! И не вздумай жаловаться на меня Филиппу. Предупреждаю: пожалеешь!

Иван Никитович с раздражением посмотрел на кроваво-красные, явно искусственные Дашины ногти и вздохнул:

– Мне казалось, ты совсем выбилась из сил и заснула. Я тобой любовался.

– Есть одно занятие поинтереснее!

Девушка мгновенно вынырнула из-под одеяла и отбросила на спину облако вьющихся черных волос. Через секунду они вновь упали на ее худенькие плечи, защекотали лицо Ивана Никитовича. Но ради сладких пахнущих ванилью Дашиных губ можно вытерпеть любые неудобства…

* * *

Москва приближалась быстро и неотвратимо. Ее огромное тело лишь считаные минуты можно было полностью оглядеть с борта снижающегося самолета. Потом огромный мегаполис разлился бескрайним морем, и волны-кварталы

заполонили все пространство до линии горизонта.

«Je me suis deshabitйe de ma ville natale? C'est etrange… j'ai l'emression que Paris, vue d'un avion, n'est pas aussi immense et a l'air plus elegant,[5] – с удивлением подумала Лика Вронская. Потом спохватилась: по-русски надо рассуждать! И торжественно сама себе пообещала: – Я привыкну к тебе, Москва. Я полюблю тебя снова, моя московская жизнь. У меня просто нет выбора».

…Думала ли она полгода назад, улетая в Париж к любимому мужчине, что придется возвращаться? Причем возвращаться одной, растерянной, потерянной, расстроенной? Нет, конечно. Лика считала, что вот он, ее счастливый билет. Вытащен. Нашелся. После долгих поисков он наконец с ней.

Но все оказалось совсем по-другому.

Неожиданно выяснилось, что журналистика – это не профессия. А вода, кожа и дыхание. Или же диагноз. Множество раз, устав от напряженного ритма, чужих статей, которые надо редактировать, собственных материалов, за которые то подают в суд, то обещают оторвать голову, Лика думала: все. Все-все-все. До свидания, дорогой еженедельник «Ведомости». Прощай, любимый шеф Андрей Иванович Колоперов. Всем спасибо, все свободны. Устала. Не могу так больше. Хочу ходить по аллее парка, усаженной благоухающими цветами. Хочу писать книжки. Хочу заботиться о любимом

[5] «Я успела отвыкнуть от родного города? Странно, но мне кажется, что Париж из окошка самолета выглядит более изящным и не таким громадным».

мужчине.

И вот в ее распоряжении оказался потрясающий парк. В нем росли беззаботные цветы, щедро дарившие свою красоту. После прогулки надо торопиться домой, готовить ужин для Франсуа. Но…

Ликино тело было в Париже и чувствовало себя неплохо. Мозг Вронской по-прежнему оставался в Москве, планировал номер, редактировал, писал. Пульс жизни газеты продолжал биться в Лике, несмотря на то что ее и редакцию разделяли тысячи километров. Время оказалось плохим доктором, не исцелило ее от этой заразы. Недели перетекали в месяцы, но Лике все казалось, что она вынуждена носить строгие деловые костюмы.

Эта боль, вызванная сложностями адаптации в чужой стране, так и просилась выплеснуться в книги. Но ежесекундно звучащая вокруг французская речь вкупе с хорошими филологическими способностями привела к тому, что уже через неделю после приезда Лике стали сниться сны исключительно на французском языке. Писать книги на французском языке Лика не могла, так как все же не владела им столь виртуозно. Но русский уже почему-то начал в ней угасать. С пугающей быстротой. И вот он, второй печальный итог французских реалий. В папке «Роман» один-единственный сиротливый файл. Он называется «I глава». И в нем не написано ни строчки.

Но, вполне вероятно, со всем этим можно было бы сми-

риться. В конце концов, большинство женщин не пишет статей в газету и не сочиняет детективных романов. И ничего – совершенно замечательно себя чувствует. Дамы счастливы своей любовью.

Лика тоже была счастлива! Безумно, до готовых брызнуть слез, до сбивающегося дыхания. Гармония. Умиротворение. Исчезновение. Пожар, полет, огонь.

Она словно пробовала различные слова на вкус, но не находила того подходящего, горько-сладкого, затаенного, самого нужного.

Жить с Франсуа оказалось очень просто и здорово. Но только по ночам. Лике казалось: она помнит все эти ночи до единой, потому что каждая из них вызывала восхищенный возглас: «Лучше не бывает!» Но следующая всегда оказывалась еще прекраснее! К тридцати годам Лика поняла, что совершенно напрасно считала себя искушенной любовницей. На самом деле ничего она не знает о своем теле, о сексе и о мужчинах. Франсуа открыл ей чувственную любовь заново. Являлось ли это следствием его темперамента? Или все французы – такие великолепные любовники? Подруги часто задавали Лике подобные вопросы, но она не знала, что и ответить, потому что Франсуа был единственным французом, с которым у нее сложились близкие отношения. И выяснять особенности прочих французских мужчин, при всем Ликином любопытстве и стервозности, не возникало ни малейшего желания.

Их тела совпадали полностью. Губы и руки Франсуа пьянили Лику до беспамятства. Она приходила в себя от собственных стонов и сокрушалась, что не может себя контролировать, а значит, не способна отплатить такой же нежностью. И обещала себе исправиться, и никогда не могла точно сказать, сдержала ли она обещание.

Но ночной рай всегда плавно перетекал в дневной ад. Мучило и терзало все. Начиная от медлительности официантов в кафе и заканчивая многочисленными тетушками Франсуа, с которыми полагалось вести длительные беседы ни о чем.

«Mon cheri, j'adore la cuisine franзaise! Je vais devorer le „Caprice des dieux", le foie gras et la soupe a l'oignon!»[6] – мурлыкала Лика в первый день после приезда. Но как только эта фраза была произнесена – мучительно остро захотелось селедки и квашеной капусты.

Хотелось всего, чего изысканный, элегантный и влюбленный Париж просто не мог дать.

Загазованного воздуха, пробок на три часа, давки в метро. Агрессивных людей. Новых детективов Александры Марининой.

Оказалось, оно действительно существует, чудовище, терзающее душу острыми когтями боли. Его зовут ностальгия. И хотя Лика объехала с командировками всю Европу и считала себя космополиткой, принять Францию не только как

---

[6] «Дорогой, я обожаю французскую кухню! Буду поглощать сыр „Каприз богов", гусиную печенку и луковый суп!»

родину – хотя бы как страну, где можно постоянно жить, Вронская так и не смогла.

«Ton mйtier est horrible! Il t'a forge un caractire en acier trempe. Les autres – cela ne compte pas pour toi. A vrai dire, tu ne veux pas partager ta vie avec personne. Tu es le leader et n'a besoin de personne. Il veut aller droit devant, voila tout. Il est sur que si tu continues ton chemin toute seule, tu avanceras plus vite qu'ensemble avec un autre…»,[7] – говорил с отчаянием Франсуа, и досада превращала его голубые глаза в темно-серое налитое дождем небо.

В последнее время спорить с такими высказываниями ей не хотелось. И на красивом лице Франсуа промелькнуло облегчение, когда Лика сказала, что хочет съездить в Москву. Ненадолго, разумеется.

Но их губы пили друг друга с таким отчаянием, словно это был последний глоток поцелуев…

…– Ваш паспорт, гражданка!

«Что это такое? Уже паспортный контроль?!» – подумала Лика и с паникой осмотрелась по сторонам. Надо же, Шереметьево-2. Она не помнила, как приземлился самолет, как вышла из салона.

Лика протянула в окошко паспорт, потом дождалась ба-

---

[7] «У тебя ужасная профессия! Она сделала тебя слишком сильной. Ты не умеешь считаться с другими. И на самом деле ты не хочешь ни с кем делить свою жизнь. Ты лидер, а лидеру никто не нужен. Ему требуется лишь идти вперед. Но если человек идет один – он чаще всего уйдет дальше, чем когда путешествует вдвоем…»

гаж, с наслаждением наблюдая, как родная Москва улыбается ярким осенним солнцем.

Куда отправиться? К кому поехать?

Ответов на эти вопросы не было. Только ныли разлученные с Франсуа губы. И в сердце ощутимо плавилась дырка, как будто кто-то затушил о него бычок.

– Кстати, а это идея, – прошептала Вронская.

Она встряхнула светлыми длинными волосами и, нащупав в кармане плаща пачку ментоловых «Вог», решительно подошла к урне.

Проводив сигареты прощальным взглядом, Лика подумала: «Может, хоть никотиновая ломка перебьет боль физической зависимости от Франсуа».

* * *

Окрашенное в нежнейшие розовые, голубые и золотистые оттенки утро настроило Андрея Петровича Семирского на оптимистичный лад. Когда такое солнце бьет в окна, когда небо безмятежно, с едва заметными кудрявыми облаками, тогда… О-го-го что можно сделать!

– Дорогая, я убежал! – увидев у подъезда служебную «Ауди», воскликнул Андрей Петрович. И, поцеловав жену в щеку, выскочил за дверь.

– Удачи, любимый!

Доносящийся вслед голос Ирины стал последним штри-

хом в картине идеального утра. Что может быть лучшим дополнением к энергичному, в хорошем костюме мужчине, чем любимая красавица-жена?!

Распространяя вокруг аромат дорогого парфюма, Андрей Петрович, как мальчишка, помчался вниз по лестнице.

– А припекает сегодня! – пожав руку водителю, заметил Семирский. – Кондиционер включи, пожалуйста.

В прохладе светлого кожаного салона просторной машины Андрею Петровичу всегда приходили в голову особо дельные мысли. Вот и теперь, пока «Ауди» виртуозно прорывалась сквозь пробки – «мигалку» накануне выборов пришлось снять, избранник народа должен точно так же страдать от обилия автотранспорта, как страдает народ, – Семирский решил изменить семейные фотографии на предвыборной листовке.

«Ну, в самом деле, зачем вся эта обстановка гостиной: кожаная мебель, белый рояль. Пиарщики уверяли, что это является дополнительным фактором, символизирующим надежность, верность, солидность. Может, это и так, ребята свое дело знают. Но я уверен: такой снимок будет на листовке каждого, кто претендует на мандат депутата Госдумы. Нет, нет, мы пойдем другим путем, – рассуждал Андрей Петрович, машинально выстукивая на подлокотнике ритм доносящегося из динамиков „Болеро“. – Фотография должна быть именно такой, как сегодняшнее утро. Надо передать этот свет, тепло, бодрящий воздух, энергию. Как? Это не мои

проблемы. Мое дело – поставить задачу. А как ее выполнить – уже пусть у подчиненных голова болит…»

Когда водитель притормозил у офиса Либерально-демократической партии России, Андрей Петрович улыбнулся отрепетированной до абсолютной искренности улыбкой и быстро прошел в свой кабинет.

Не беда, что на нем пока еще табличка «Заместитель председателя». Будет, обязательно будет должность еще выше. Но всему свое время.

– Машенька, зайдите ко мне, – распорядился Андрей Петрович, нажав на кнопку селектора с пометкой «пиар». Потом сделал еще один звонок – секретарше с просьбой приготовить кофе. Затем помечтал: чем успешнее сложится карьера, тем более важные вопросы будут решаться нажатием кнопочек. Не каждому дано понять всю прелесть власти. Но, единожды ее вкусив, остановиться невозможно.

– Значит, так, Машенька. – Андрей Петрович оглядел молодую руководительницу пиар-службы партии и удовлетворенно подумал, что жена в свои пятьдесят ему все равно милее, чем тридцатилетняя красавица. – Надо изменить фотографии на предвыборной листовке. Я хочу, чтобы…

К огромному удовольствию Семирского, его предложение у Маши возражений не вызвало. А ведь всем хорошо известно: Машенька – женщина принципиальная. Если считает, что какая-то инициатива негативно повлияет на имидж партии или ее лидеров, и с самим председателем будет спорить

до хрипоты. За ум в сочетании с полным отсутствием подхалимских поползновений Марию и назначили на эту должность еще пять лет назад, совсем девчонкой. И в том, что на прошлых выборах в Думу партия стала третьей, очень много труда и начальницы пиар-службы.

Просмотрев пресс-релизы, Андрей Петрович стал принимать многочисленных посетителей – руководителей региональных отделений партии, простых партийцев, сочувствующих либерал-патриотам деятелей науки и культуры. Секретарша недосмотрела – в череде вменяемых людей с обычными житейскими проблемами оказалась явно ненормальная бабуля, с порога заявившая:

– Против меня существует инопланетный заговор. Чудовища зеленые в водопроводе живут. Помоги, родненький, дорогой. КПСС нет, уж не знаю, куда и пожаловаться!

Когда Маша снова появилась в кабинете, Андрей Петрович посмотрел на нее с искренним недоумением.

Она, умница, сразу все поняла без лишних вопросов и приступила к пояснениям:

– Вы давали указание заменить снимки на предвыборной листовке. Мы просмотрели базу фотографий вашей семьи. Кое-что подобрали. Вот предварительные макеты, взгляните.

Пока руководительница пиар-службы раскладывала на столе листовки, Андрей Петрович успел перевести дух и опустошить стакан минералки.

– Обеденное время уже, – ровным голосом напомнила Маша. – Кстати, я, когда готовила материалы, ну просто поразилась. Ваш сын Константин…

Семирский отодвинул макет подальше. Чертова дальнозоркость! Вот что с нами делают годы!

– А что Костя? По-моему, неплохо получился!

Маша кивнула:

– Отлично. Он очень фотогеничен! Такой красавчик, влюбилась бы в него, будь он постарше. Но вы знаете, он абсолютно не похож ни на вас, ни на Ирину Львовну. У него в лице явно прослеживается что-то восточное. Может, вы – потомок Чингисхана? Обыграем это в биографии?

Она беззаботно рассмеялась. И Андрей Петрович тоже улыбнулся, потому что давно научился прятать за непринужденной улыбкой липкий холодный страх…

* * *

– Амнистия – хорошая птичка!

– Амнистия – дура! Опять! Снова! Да что же это мне за наказание такое! Амнистия! Я тебе сколько раз говорил – кончай жрать документы! Неужели не понятно?! Идиотка!!

Устав орать, следователь прокуратуры Владимир Седов плюхнулся на стул и смерил пытливо поглядывавшую на него с сейфа зеленую птицу презрительным взглядом. Птица на взгляд не отреагировала. И снова заявила, что она –

хорошая!

«Вот же друзья подогнали подарочек на День юриста, – огорченно подумал следователь. – Жена дома такое счастье терпеть не захотела. Пришлось забрать попугаиху на работу. Возможно, условия здесь и не очень. В кабинете вечно накурено. Ну и что? Я же ее кормлю? Естественно! Клетку никогда не закрываю. Она ж не преступница. Пусть преступники за решеткой сидят, а Амнистия наслаждается свободой. И вот ее благодарность. Опять сожрала заключение эксперта. А я его даже не просмотрел!»

– Документы есть нельзя, – уже спокойнее пояснил Седов, смахивая в ладонь белые клочки бумаги, до совещания у шефа являвшиеся заключением судмедэксперта. – Ну да ладно. Сейчас позвоню и попрошу вновь прислать мне…

Закончить фразу Володя позабыл, так как дверь его кабинета распахнулась и на пороге, ослепительно улыбаясь, появилась Лика Вронская.

Невероятно, но это была она! А ведь всего пару дней назад, когда они разговаривали по телефону, до Володи доносилась гортанная французская речь. Ну Вронская, явилась не запылилась, как говорится. И без предупреждения – мадам в своем репертуаре.

Следователь испытывал к Лике целую гамму неоднозначных чувств, от уважения до раздражения. Сто лет знакомы, побывали вместе во многих переделках, это здорово сближает. Пожалуй, они друзья. И на правах друга он постоян-

но ее предостерегает: хватит впутываться в различные истории, даже твое невероятное фантастическое везение рано или поздно закончится. Но Вронскую хлебом не корми – дай поучаствовать в расследовании. Упрямая, как осел. Неоднозначная девица.

«Все, опять жди беды», – промелькнуло в голове у Седова, пока он отрывал вцепившуюся в шею и радостно повизгивающую Вронскую.

– Так, мать, – водрузив невысокую хрупкую особу на пол, заворчал Володя. – Объясняй все по порядку. Ты ж вроде как в Париже должна быть. С этим своим хахалем французским. Случилось чего?

Лика забралась на подоконник, равнодушно отодвинула в сторону настоящий человеческий череп, доставшийся Седову в наследство от прежнего хозяина кабинета. Потом вдруг всплеснула руками и метнулась к почему-то подозрительно попахивающему рюкзаку.

Когда она щелкнула застежкой, Володя аж отшатнулся и, невольно поморщившись, воскликнул:

– Ну и вонища! С твоей-то тягой к трупам с тебя станется! Приволокла кусочек разложившегося тельца?

Давясь от смеха, Лика положила на стол извлеченный из рюкзака пакет:

– Я скучала по твоему черному юмору. Это же сыр, темнота. Настоящий французский сыр!

– И что с ним делают?!

– Едят, Володь. Не обращай внимания на запах, это очень вкусно.

«Разве что с очень большой голодухи покатит, – подумал Седов, открывая форточку. А затем и окно. Презент вонял неимоверно. – Бывает к концу дежурства такое состояние, когда уже абсолютно безразлично, что запихивать в желудок. Или по пьяной лавочке. А в нормальном состоянии – не-а, никак».

Тем не менее вслух Володя вежливо заметил:

– Спасибо, тронут.

Его не обманула Ликина улыбка, вся эта порывистость, беззаботность.

Он закурил сигарету, пододвинул пачку к Вронской и, бросив взгляд на часы, решил:

«Минут сорок есть. Что-то мне она не нравится. Наверное, опять куда-то влезла. Ох, с нее станется».

– Я не курю, – равнодушно сообщила Лика. – Кстати, представляешь, какая я «молодчина»! В аэропорту вместе с последней пачкой сигарет телефон в урну выбросила. Эффектно, да? Хотела тебе позвонить, а сотового нет. Короче, дорогой, все, завязала. Курение убивает.

Володя аж подавился дымом. Доселе мадемуазель в списках адептов здорового образа жизни не значилась. Ее без сигареты на этом подоконнике и представить нельзя. Что же с ней случилось в этом Париже?

– В том-то и дело, что ничего. Ничего не случилось. А

должно было нагрянуть счастье. Но оно не пришло! Все у меня было, Володечка. Мужик офигительный. Я на него так и не насмотрелась. Такой красивый – и мой. Не верила. Любит он меня. С бытовой точки зрения – все условия. Представляешь, из окна квартиры открывается вид на Сену и Сорбонну. А не смогла! Кажется, не прижилась и вряд ли впишусь в ту жизнь. Раньше думала, не важно, где жить, важно – с кем. Родина, уродина, а она нам нравится…

Закончить цитирование Юрия Шевчука у Лики не получилось. По щекам побежали слезы, и Седов досадливо крякнул. Санта-Барбару развела тут, понимаешь. Сил на это смотреть нет никаких. Свидетельница, кстати, вот-вот на допрос придет, и что она, интересно, о следовательских методах подумает, увидев эту всхлипывающую сырость?!

Вронская принялась оправдываться:

– Прости, Володь. Торможу. Плохо мне. И идти некуда. К родителям в таком состоянии не заявишься. Те подружки, которые не писательницы, на работе. Те, которые писательницы, – дрыхнут. Все же мы, графоманы, книжки по ночам ваяем, днем почему-то не получается. И вот я сошла с самолета, а податься некуда. И там, во Франции, не могу, и здесь все уже непривычно. Я, наверное, бестолковая, да, Володь?

«Не то слово, и живешь, и пишешь по-дурацки», – подумал Седов. И сразу же вспомнил – жена Людмила млеет, читая про все эти сопли в книжках Вронской. Бабы, чего с них взять!

Почувствовав не самое оптимистичное настроение следователя, верная Амнистия просвистела над Ликой зеленой кометой и со снайперской точностью нагадила ей на обтянутое светлыми джинсами бедро.

– У тебя все по-старому, – сквозь слезы улыбнулась Вронская. – Подай мне салфетку для ликвидации «привета».

Следователь протянул ей бланк протокола допроса и вздрогнул. По громкой связи дежурный сообщил:

– Володя, на выезд срочно, труп мужчины, обнаружен в квартире по адресу…

– Я с тобой, – быстро сказала Лика, спрыгивая с подоконника.

– Нашла развлечение, – сквозь зубы процедил Седов.

Но, увидев отчаянную мольбу Ликиных зеленых глаз, капитулировал мгновенно. Не надо ее сейчас одну оставлять. Такой тоскливой безысходности на лице Вронской не было даже тогда, когда ей приходилось попадать в серьезные переделки.

* * *

Участковому милиционеру Петру Васильченко не везло. Причем не везло ему уже три дня подряд. Он даже начал беспокоиться, решив, что попал не в черную полосу, а в настоящее море. Или, не приведи господь, какой-нибудь черный океан.

Впрочем, вначале, как говорится, ничто не предвещало беды. А напротив – очень даже приятное времяпрепровождение.

– Ничего себе, – присвистнул Петр, когда в отделении появились две симпатичные девахи. – Что бы у вас ни случилось, красавицы, рад вас видеть. А то, понимаете, наша служба и опасна, и трудна.

Девахи переглянулись, важно покивали.

– Догадываемся, – сообщила рыженькая, как лисичка, девчонка, – и даже собираемся поступать в Академию МВД.

– А для того чтобы получить представление о будущей работе, – присоединилась к разговору брюнетка, – мы решили пообщаться с теми, кто уже выбрал эту профессию. Только…

На ее лице отразились сомнения, и Петр мгновенно догадался, о чем девушка думает. Не выглядел Васильченко на свои тридцать пять. Наследственное это. Все мужчины в их роду вот такими пацанами-пионерами до старости остаются, окружающих смущают. Он уж и усы отпустил для солидности. Но не помогло.

«Надо ковать железо, пока горячо. Невеста уехала, при ней не забалуешь», – молниеносно прикинул Петр и небрежно продемонстрировал девахам фотоснимок. И не абы какой, а где старший оперуполномоченный Васильченко стоит рядом с самим министром внутренних дел. И даже о чем-то важно как будто беседует.

Беседовали, как же, делать больше нечего таким начальникам. Не удержался Петр от соблазна сфотографироваться, торжественное собрание было и концерт в честь Дня милиции. Ребята министра остановили, ну и Васильченко присоединился. Отчего ж не сфотографироваться, тем более – за компанию. Вроде как не он сам, этакий колхозник, к старшим по званию пристает.

Однако девочкам об этом знать совершенно не обязательно.

Снимок произвел впечатление. Рыженькая «лисичка», Танюша, даже согласилась помочь Петру культурно скрасить досуг. И сходить с ним в кино.

Замечательно все в кинотеатре вышло. Целовались, на экран почти не смотрели. Петр по коленкам ее гладил, Танюша руку его не отталкивала. И вот, когда, казалось бы, то, что так замечательно началось, имело все шансы завершиться столь же прекрасно, «лисичка» лукаво заявила:

– Что ты, Петя, какие гости. Мне же шестнадцать лет!

Васильченко аж задохнулся от возмущения:

– А кто говорил про девятнадцать?! Кто твердил, что уже работает, что в прошлый год не поступил?!

Извинившись и хихикнув, Танюша упорхнула, и разве у Петра осталось много вариантов действий? Да один-единственный! Только утопить разбитое сердце в водочке, что он и сделал с коллегой и лучшим другом Колькой. И весь вечер жаловался на акселерацию. «Лисичка» выглядела минимум

на двадцать, а вот поди ж ты, оказалась малолеткой!

«Завтра будет лучше, чем вчера», – оптимистично решил Васильченко, приканчивая на пару с приятелем литровый пузырь.

Но когда это самое завтра пришло…

– Петя, что все это значит?! – Голос невесты Верочки в телефонной трубке дрожал от слез. – Я уехала навестить бабушку, а ты сразу по девкам!

– Почему сразу? – спросонья Петр совершенно не соображал, отчего Верочка так возмущена. Он, кстати, и не сразу. День выждал. И ничего же не было. К сожалению, не обломилось. Холостой выстрел, ложная тревога. Чего ж возмущаться!

– Меня нет рядом всего два дня, а ты уже учишь профессии молодых девчонок! И если бы профессии! Не звони мне больше, негодяй! Между нами все кончено!

Голова раскалывалась неимоверно. Васильченко уже почти убедил себя, что ему приснился кошмар, но вновь противно задребезжал телефон. Речь дорогой маман в точности дублировала Верин спич, и тут Петр наконец начал просыпаться.

– На всю страну опозорили. В газете пропечатали, – всхлипывала маман. – В рубрике «Засада»…

«Понял, не дурак, – тоскливо подумал Васильченко. – Газетный вариант программы „Розыгрыш“. Только прикалываются они над людьми попроще, не такими известными. И как

я не признал этих девах, там же фотки их печатают… Да, классно они мужика в прошлом номере развели, сказали, что он папашей ребеночка скоро станет».

Потом Петр вспомнил, что это был позапрошлый номер. А героем последнего является он собственной персоной.

И нет чтобы хоть кому-то из знакомых пришло в голову промолчать о прочитанном! Все ехидничали – начальство, друзья, знакомые. А уж бабки с участка как злорадствовали! Верочка еще пару раз звонила, плакала, ее тоже доставали.

Разве после такой оказии оставалось много вариантов действий? Пузырь, пузырек, утопи мои печали.

Они с Колькой квасили и прикидывали: как поступить в данной ситуации? Потребовать опровержения? Сделать вид, что девах этих в отделении вообще никогда не было? И что журналистки придумали всю эту историю, чтобы опорочить светлый образ старшего оперуполномоченного Петра Васильченко?

– Эх, Петя, ну ты сам подумай. Кому ты мог дорогу перейти? А? Чтобы все поверили этой лапше, якобы провокации? Подросткам, которые магнитолы тырят? Бабушкам сварливым? И потом, они же сто пудов с диктофоном приходили. Не отбрешешься ты, не выйдет!

К сожалению, Колька оказался прав. Выпутаться из этой истории, хоть как-то сохранив лицо, было абсолютно невозможно. И за это тоже надлежало выпить.

Следующим утром, переживая муки абстинентного син-

дрома, Васильченко честно пытался оформлять бумаги. Но дело было ясное, что дело это темное. И что после нескольких дней возлияний требуется лекарство. Так как до конца рабочего дня можно и не дожить.

Друг Колька как никто другой понимал верность принятого решения. Он сгонял в ближайший магазин, принес пузырь и банку соленых огурцов. Васильченко достал из тумбочки стопки, и…

Рыженькая и брюнетка! Стервы, тут как тут, и не стыдно им после учиненной подставы в этот кабинет заходить!

Петр быстро накрыл стопочки мерзкой газетенкой со статьей про «развод» себя, любимого.

И, сурово насупив брови, хотел на девах прикрикнуть что-то вроде того: «Да как вы могли! Как посмели!»

Но прикрикнуть он не успел, так как девушки затараторили, перебивая одна другую:

– Мы на третьем этаже живем. Соседки. Восемнадцатый дом, корпус два.

– И пешком ходим, фигура и все такое!

– И вот идем и видим.

– А там на втором этаже только одна квартира!

– Кровь через дверь протекает, струйкой.

– Дверь не заперта, я ее толкнула, а там…

– А там… кажется, он мертвый… У самого порога лежал. Но мы «Скорую» все равно вызвали. И сразу к вам…

Девицы, как по команде, зашмыгали носами и хором по-

интересовались:

– Можно водички?

Колька плеснул в два стакана воды из графина, а Петр почесал затылок. Хоть башка и раскалывалась, понял, не дурак. Плохо все за той дверью.

А проживает на втором этаже дома номер восемнадцать известный антиквар Иван Никитович Корендо. Таких случайные собутыльники не убивают. Был недавно случай на участке: один алкаш замочил другого. Устал, наверное, притомился. И лег отдохнуть прямо рядом с трупом, взяли убийцу тепленьким. Здесь такой халявы не будет, это точно.

А тут профессия у Корендо соответствующая. И кражи в Эрмитаже недавно были. «Короче, дожили, – решил Васильченко. – И до Москвы эта беда докатилась. Что ни говори, опасное дело – антиквариат».

Пока Колька переписывал координаты девах, Петр позвонил в прокуратуру и РОВД. И, захватив папку, помчался к дому номер восемнадцать.

Его сильно тошнило. И все время хотелось пить.

Ну, не черный ли океан? Чернющий!

* * *

Лика смотрела на залитый кровью затылок мужчины, и в ее горле стоял комок. К смерти невозможно привыкнуть!

Журналистский рефлекс – излагать на бумаге только то,

что знаешь, – вынуждал и при написании детективов въедливо изучать «матчасть». Приходилось пробиваться в морги, находиться рядом со следователями, когда те осматривали место происшествия, посещать тюрьмы и суды. А как иначе описывать все это в романах? Это же не фантастика! А на одном Интернете далеко не уедешь. И за те несколько лет, что Лика писала книги, она получила полное представление о вскрытии тел, экспертизе, стадиях расследования.

У нее были знания и опыт. Отсутствовали страх и брезгливость. Но теперь, при виде слипшихся красных от крови волос лежащего в коридоре лицом вниз мужчины, ей хотелось рыдать.

Человеческая жизнь – это чудо, бесценный дар. Невозможно абстрагироваться от эмоций и равнодушно смотреть на то, как какой-то урод – совершенно не важно, по каким мотивам! – разбил, растоптал, уничтожил чужую судьбу.

– Ты закончил? – спросил судмедэксперт Александр Гаврилов у щелкающего фотоаппаратом криминалиста Сергея Бояринова. Тот сделал еще несколько снимков и кивнул:

– Все, можно переворачивать.

Александр Гаврилов откуда-то незаметным движением извлек резиновые перчатки. При натягивании они едва слышно скрипнули. И эксперт скептически посмотрел на лежащее ничком тело.

– Он крупный. Помогите мне.

Возле Лики, распространяя запах перегара, протиснулся

молодой усатый мужчина в милицейской форме. Присев на корточки, он вдруг икнул и покраснел. Седов оторвался от схемы, которую старательно вычерчивал, но ничего не сказал.

– С бодуна дядя, – пробормотал Вронской на ухо оперативник Паша. – Некоторые участковые пьют по-черному. Их сумасшедшие бабки так достают – до белой горячки допиться можно.

– Он еще теплый, – заметил судмедэксперт. А посмотрев на лицо убитого мужчины, Гаврилов добавил: – И трупных пятен еще нет, хотя затылком вверх лежал. Значит, его убили меньше полутора часов назад. Быстро тело обнаружили, это хорошо. Сейчас пятнадцать часов двадцать минут. Считайте…

– Я знаю этого человека, – тихо сказала Лика.

Седов ухмыльнулся:

– Кто бы сомневался! Рассказывайте, гражданка, в каких отношениях состояли с потерпевшим?

– Ни в каких! – огрызнулась Вронская.

На полном лице следователя появилось виноватое выражение, и он опять занялся бумагами.

А Лика мысленно снова вошла в кабинет Ивана Никитовича.

…У Корендо имелся офис, расположенный в центре, на Новом Арбате.

Она вошла и вновь замерла от восхищения. Конечно, всем

хорошо известно, что Иван Никитович – преуспевающий антиквар, коллекционер. В некотором смысле – меценат, потому что купил на аукционе коллекцию работ авангардистов и передает их Третьяковке, в связи с чем журналисты и проявили интерес к этому человеку. Однако Вронская не ожидала, что он окажется таким красивым!

Видимо, в его жилах текла и южная кровь. Тип лица Ивана Никитовича можно было назвать славянским, разве только разрез глаз чуть отличался. Но краски, цвета! Смуглая оливковая кожа, гладкая, манящая. Яркие, четко очерченные губы, горящие влажные глаза! Гены восточных предков смешались с русской кровью в сногсшибательную комбинацию.

Иван Никитович относился к числу тех людей, которые прекрасно осведомлены о том, каким оружием владеют. Поговорив об авангардистах, он стал обольщать Лику по всем правилам. Выразительные взгляды, жалобы на одиночество, намек на возможный совместный ужин или уикенд.

Лика сделала вид, что не понимает, о чем речь, и тогда ладонь Ивана Никитовича опустилась на ее колено.

– Давайте дружить, – улыбнулась Лика. – Я напишу про вас хорошую статью. Иван Никитович, слава лучше секса.

Он обиженно поджал губы и встал с кресла, давая понять: разговор закончен.

Как правило, интервьюируемые всегда звонят журналистам, чтобы поблагодарить за публикацию. Звонка от Корендо Лика так и не дождалась. Возможно, антиквар все же счи-

тал, что секс лучше славы.

Лика не обижалась на Ивана Никитовича. Только смотреть на его фотографии, часто размещаемые глянцевыми журналами, она без волнения все равно не могла. Красота – мужская или женская – никогда не оставляла Лику равнодушной. Правда, что касается красивых мужчин, то Вронской было вполне достаточно эстетического удовольствия от созерцания. Случайные связи, считала она, это так утомительно и скучно…

…– Я закончил, мы можем перейти в комнату, – сообщил Александр Гаврилов, складывая линейку, которой он измерял рану на затылке покойного. – Володь, ты успел записать?

– В лобной области справа в 2 сантиметрах от серединной линии и на 178 см выше уровня подошв расположена рана веретенообразной формы размерами 5,5 на 0,6 сантиметра. От нижнего края раны идет горизонтальный потек, – прилежно зачитал Седов.

Эксперт удовлетворенно кивнул, и Лика вытянула шею, стараясь поскорее осмотреть интерьер. Оперативно-следственная группа уже побывала в квартире, и Паша даже успел проболтаться: в гостиной рядом с лужей крови валяется небольшая мраморная статуэтка. Ею-то убийца и нанес роковой удар несчастному антиквару. Однако быстрой мгновенной смерти не случилось. Истекая кровью, Иван Никитович пополз к двери. Вряд ли эти действия являлись осознанными, вызвать помощь по телефону было бы куда проще.

Пройдя в гостиную, Вронская с любопытством осмотрелась по сторонам. Похоже, Корендо жил один. Мужские глянцевые журналы, брюки на спинке кресла, только мужская туалетная вода на полочке, рядом с причудливыми фарфоровыми чашками. Примерно так и должно выглядеть жилище красивого неокольцованного антиквара: много предметов старины и вещи, которые, похоже, принадлежат только ему.

– А картин-то здесь сколько, мамочки! – воскликнул из-за стены оперативник Паша. – Нам повезло, что его не в этой комнате мочканули. Заколебались бы описывать!

Внезапно в помещении воцарилась тишина, и это отвлекло Лику от ее умозаключений.

Оперативник прикусил язык, эксперты перестали переговариваться, и даже всхлипывающая в углу комнаты понятая, полная грузная женщина, зажала рот платком.

Оказалось, в луже крови, рядом с окровавленной шкурой какого-то животного, находился сотовый телефон. Его мелодичное пение и убрало все прочие звуки.

Володя Седов подошел к шкуре и присел на корточки. Отыскав в потемневшем, залитом кровью ворсе неумолкающий мобильник, он быстро сказал:

– Слушаю.

Динамик у аппарата оказался мощный, содержание разговора по такому аппарату никогда не останется в тайне.

– Шагал у вас? – спросил мужской и, похоже, простужен-

ный голос.

– Какой шакал? – растерялся Володя. – Кто вы? Представьтесь!

Невидимый собеседник не пожелал продолжать беседу. Пока следователь изучал меню телефона, пытаясь понять, определился ли номер звонившего, Лика пробормотала себе под нос:

– Не шакал, а Шагал. Темнота ты, Володька. Шагал… Что же это получается, у Корендо была картина Марка Шагала? Тогда вот он, мотив убийства. Сотни тысяч долларов. Если не миллионы! Шагал – очень популярный художник, и его работы ценятся высоко…

* * *

Сил смеяться у оперативника Паши просто не было физически. В августе жена Танюша родила сына, и Паша сразу убедился: с младенцами возиться очень и очень непросто. Это тебе не две уже взрослые «шпингалетки» от предыдущего брака Татьяны. Им уроки проверь, на мороженое денег дай – вот и все заботы. А Степана же кормить надо через каждые три часа! И он может плакать, как обиженный котенок, всю ночь напролет. Сон урывками в сочетании с периодическим бдением над колыбелью здорово выматывал. Поэтому на работу Паша приходил невыспавшимся и характеризовал собственное состояние как полнейшая невесомость.

Сил нет.

Обстановка опять-таки к веселью не располагает – человека убили.

А Петра Васильченко как жалко! Глаза грустные, икает, еле ноги переставляет. Подставили его. И похмелиться бедолага хочет.

Но теория теорией, а никак у оперативника не получалось вести себя сообразно ситуации. Прилипчивый смех, как шипящая минералка, булькал в горле.

– Да, повезло тебе с молодыми кадрами. Вот это подстава так подстава! – придерживаясь за живот, простонал Паша и нажал на очередную кнопку звонка. – Слушай, Петь, да что это такое – и здесь ни души?!

– Дом относительно новый, – пробормотал участковый, вытирая рукавом выступивший на лбу пот. – Большинство жильцов квартиры здесь покупали сами. Халява от родины кончилась. А чтоб «купило» имелось, вкалывать надо. Так что на работе все еще. По моей информации, народ домой возвращается очень поздно. И поэтому со свидетелями, честно предупреждаю, глухарь. Пенсионеров почти нет.

– Да так не бывает! – не поверил Паша, методично переходя к следующей двери. – Не может же нам так не везти!

Петр Васильченко промолчал, но весь его понурый вид говорил: очень даже может. Как начнут шишки сыпаться – это надолго.

– Кто там? – вдруг раздалось в промежутке между треля-

ми звонка. – Я вас не знаю, уходите.

Паша с Петром переглянулись, и Васильченко, едва заметно пожав плечами, сказал:

– Не помню я этой квартиры. Здесь вообще весь дом не криминальный. Ну, что ты на меня смотришь, как Ленин на буржуазию? Не обязан я всех и каждого на участке знать! Тебе наркоманов моих перечислить?

Пререкаться с участковым не хотелось. Громко гаркнув: «Милиция!», Паша приложил к глазку служебное удостоверение.

Дверь распахнулась, и симпатичная женщина лет сорока смущенно улыбнулась:

– Здравствуйте! Сразу говорю: я здесь не живу, приехала погостить к подруге. Сама из Рязани. Регистрация в порядке.

– Жильцов здешних в лицо знаете? Сегодня посторонние в подъезде замечены были? – деловито осведомился Васильченко.

Паша сразу незаметно ткнул участкового в бок.

«У нас не так много свидетелей, чтобы их распугивать», – решил оперативник и обаятельно улыбнулся.

– Может, чаю? – предложила женщина. – Давайте, проходите, меня Тамарой зовут. Большинство жильцов не знаю, но здесь живет такой импозантный антиквар…

Через полчаса, выпив две чашки чая с бергамотом, Паша знал о Тамаре и Иване Никитовиче все.

Она называла вещи своими именами. Мужчина ей понра-

вился. Она разведена. Почему бы не попытаться познакомиться поближе?

Однако зайти в гости к Тамаре Корендо отказался. Сослался на то, что надо срочно собираться в командировку. И даже продемонстрировал билет на поезд. Он планировал поехать в Белоруссию, в Витебск, и провести там несколько дней. Тамара намекнула, что, когда он вернется, она все еще будет в Москве. Но по вежливой улыбке стало понятно: для Ивана Никитовича это не имеет ровным счетом никакого значения.

– Не обижайтесь на него, – буркнул Васильченко, отставляя пустую чашку. – Был человек – и нет человека.

Тамара ахнула, а Паша опять толкнул участкового.

– Кто тебя за язык тянул! – не выдержал оперативник, заругался еще в прихожей.

Когда Тамара закрыла дверь, добавил еще парочку емких нелитературных фраз. Нельзя ведь без особой необходимости сообщать такие подробности!

– Ты точно все мозги пропил, – Паша все не мог успокоиться. – Треплешься и треплешься, сил никаких нет.

Васильченко вздохнул:

– Что сил нет – это точно…

Когда Паша разыскал следователя Владимира Седова, тот уже приступил к обыску. В его руках был раскрытый еженедельник, и Паша успел прочитать: «29 сентября, гостиница „Витьба“, 22.00, Юрий Петренко».

– «Витьба», – возбужденно повторил он, – «Витьба»! Все сходится, Володь. Мы нашли свидетельницу, которая говорила, что Корендо планировал съездить в Витебск.

– Уточни, что у нас по билетам, – распорядился следователь, продолжая пролистывать еженедельник.

После осторожного стука дверь в квартиру Корендо распахнулась, и по бледным лицам появившихся на пороге парня и девушки Паша понял: родственники убитого.

– Осторожно, там кровь! – выкрикнул оперативник, но было уже поздно: ботинки девушки забрызгала густая темная жидкость…

Глава 2
Витебск, 1909 год

…Девушки-гимназистки, длинные косы, кружевные платья, маленькие шляпки. Манит красота, завлекает. Хочется прикоснуться к гладкой девичьей щечке, нежно обнять тоненькую талию.

Уймись, громыхающее, как молот по наковальне, сумасшедшее сердце! Уймись, потому что и так Мойша Сегал в амурных делах робок.

Напрасно Нина из Лиозно будто бы случайно всегда оказывалась на дороге Мойши, направлявшегося на Юрьеву гору писать этюды.

И Анюта все вздыхала. Ночь, они рядом на скамеечке, и так хочется прикоснуться к руке девушки. И видно, что красавица тоже думает об этом, но его тело, размякшее, чужое, разрывающееся от желания, скованно и неподвижно. Анюта сама поцеловала Мойшу. А он чуть не потерял сознание, ночь вдруг сделалась ослепительно светлой, сверкающей.

Теперь ему смешно и неловко вспоминать все это. Вот за занавеской мелькает фигура Теи Брахман, девушка готовит ужин. И иногда подходит к лежащему на диване Мойше, чтобы поцеловать его. Он больше не смущается. А Тее стыд и вовсе неведом. Она, услышав, что сложно найти модель, са-

ма предложила позировать для его картины. Обнаженной!

Кровь стучала в висках, когда Тея снимала одежду и ложилась на кушетку. Работать с такой красивой молоденькой моделью просто, мазки быстро-быстро покрывали холст. Работа почти закончена еще во время предыдущей поездки в Витебск. Чуть тяжеловатое, но очень изящное тело девушки, с широкими полными бедрами, круглым животиком и небольшими грудками, написано в розово-красных тонах. Нежность и желание – они именно таких цветов, теплых, ласковых.

Теин отец, известный в Витебске врач, чуть дара речи не лишился, увидев свою дочь обнаженной на кушетке, где обычно он осматривал пациентов. Тея упряма, своенравна. Сказала, что хочет позировать, и будет позировать, и пусть папа не мешает художнику работать…

…– Ужин готов, Мойша!

Тонкий мелодичный голос. Упоительные запахи жареной рыбы и картошки.

Благословенный дом. Прекрасный Витебск! Любимый город стал особенно дорог после Санкт-Петербурга.

…Тяжело искать свой путь. Трудно. Больно.

Катит Нева холодные волны. Роскошные дома и широкие улицы равнодушны к Мойше. Манят витрины гастрономов, а в кармане не наберется и десяти копеек на зразы. Денег нет. Нет вообще. Отец дал ему с собой всего двадцать семь рублей. По своему обыкновению, швырнул их на землю, при-

шлось вновь ползать в пыли, собирая монеты и ассигнации. Папины деньги растаяли быстро, слишком быстро. Хорошо еще, что в школу Общества поощрения художеств Мойшу приняли без платы и сразу зачислили на третий курс. Занятия в школе чередуются с унизительными просьбами к меценатам. Но пособий все равно не хватает. Снять квартиру – непозволительная роскошь. Ночь пахнет гнилой соломой и луком. Постель приходится делить с каким-то вечно пьяным рабочим. Он, кажется, понимает: Мойша из другого теста. И старательно вжимается в стену. Но кровать узка. Густой тяжелый мужичий дух мешает спать.

Воспоминания разбил тонкий девичий голос.

– …и все равно я не понимаю, зачем ты уехал? Выучился бы в школе Иегуды Пэна. Чем плохо? – Тея нежно провела по волосам Мойши. – И мы бы не расставались.

Он замотал головой:

– Нет, что ты! Я решительно не мог там оставаться.

– Но почему? Ты же делал успехи! Господин Пэн был доволен. Мне Фейга-Ита рассказала, что он даже освободил тебя от платы.

Мойша кивнул: действительно, освободил. Увидев его этюд, написанный в фиолетовых тонах, Иегуда Пэн долго пощипывал бородку, а потом взволнованно сказал:

– Очень хорошо. Диво как хорошо. Вы можете больше не давать мне денег за обучение. Работайте! Работайте больше!

Учитель признавал за ним право использовать любые

краски. Но он не мог принять главного. Он не понимал, что можно именно так видеть мир. Людей, природу. Мойша интуитивно это чувствовал и поэтому рисовал то, что понравилось бы Пэну. «Чтение Торы», «Толкователь талмуда», «Старик в ермолке». Это было близко разговаривавшему только на идиш учителю. Но Пэн смеялся над паривши в ночном небе ангелом. И эти его вечные занудные задания: гипсовые головы, натюрморты.

– Мне наскучило рисовать старика Вольтера, – улыбнулся Мойша. – Его нос на моих работах все время почему-то загибался в сторону. И двух месяцев не выдержал я в школе Пэна. Взял там все, что мне могли дать. И пошел дальше.

Тея нахмурила тонкие брови и гневно воскликнула:

– Это Авигдор! Это он украл тебя у меня! Как же мне он не нравится! Я понимаю, что должна быть ему благодарна. Он нас познакомил. Но мне так страшно иногда делается, когда смотрю на него!

«Милая моя Тея, – подумал Мойша, отодвигая пустую тарелку. – Тебе не понять, как я гордился этим знакомством. Авигдор так снисходительно посматривал на меня, когда мы учились в гимназии. Мы даже дрались! Потом он перешел в коммерческое училище. Конечно, сын богатых родителей не должен сидеть за партой в простой городской гимназии! А затем, когда я начал делать успехи у Пэна, он стал носить мой этюдник. И все говорил: позанимайся со мной, я заплачу. А я занимался с ним не за деньги. Мне хотелось подружить-

ся с Авигдором. А как нравилось бывать на его даче! Я уже не просто голодранец с Покровской улицы, у меня появился богатый знакомый. И в Санкт-Петербург меня надоумил поехать не кто иной, как Авигдор. Откуда мне было знать, что есть другие школы! Мы уехали вместе. Но как только покинули Витебск, разделявшая нас пропасть стала еще глубже. Он пил шампанское, а я рыскал в поисках корки хлеба. Он говорил о том, что скучает и не знает, как развлечься. А я был счастлив. Даже вечный голод не мешал мне радоваться тому, как моя душа начинает жить на холстах».

Тея встала из-за стола, принялась убирать тарелки. Ее жирная белая псина обиженно взвизгнула: никто и не вздумал угостить лакомым кусочком.

– Мне неспокойно, – всхлипнула девушка. – Я все время думаю, как ты, где ты. Евреям же нельзя там селиться.

– Успокойся, – Мойша весело улыбнулся. – Сейчас все в порядке. Адвокат Гольдберг оформил меня своим лакеем. Адвокаты могут держать слуг-евреев. Но, знаешь, и когда у меня не было этих бумаг, я особо не волновался. В тюрьме не так уж и плохо. Там кормят! А воры и проститутки относятся ко мне с уважением.

Тея укоризненно покачала головой и воскликнула:

– Господи! Почему ты такой упрямый! Мойша, мне кажется, тебе нравится так жить. Тебе нравится эта вечная нищета, голод. Вернись! Я прошу. Умоляю тебя. Вернись в Витебск!

– И что я буду здесь делать? Работать ретушером? Милая Тея, я умирал в этом ателье. Как же скучно было замазывать оспинки и морщинки. От этого с ума можно сойти. И потом, я чувствую, точно знаю – я стану хорошим художником. Вот увидишь!

На симпатичном личике девушки появилось скептическое выражение. Так же смотрела на Мойшу, слушая его рассказы, Фейга-Ита. И брови отца тоже недоуменно, недоверчиво приподнимались.

Никто не верит в успех.

А он придет. Луч надежды всегда согревает душу Мойши. «Потерпи, – шепчут по ночам ангелы, разрывающие небо, чтобы тайком с ним пообщаться. – Терпи и работай. Ищи свой путь. Слушай только свое сердце».

Ангелам надо верить. Вот только где он, его путь? Из чистого упрямства Мойша не желал признаваться, что ему точно так же скучно в школе Общества поощрения художеств, как было скучно у Пэна. Можно вытерпеть все, что угодно. Лишь бы только знать: идешь по правильной дороге.

Но он найдет свою дорогу. Собьет в кровь ноги, выплюнет в Неву, от которой вечно тянет сыростью, слабые легкие, превратится в скелет, обтянутый кожей. Но он найдет эту дорогу! Единственно верную дорогу…

– Приляг пока, – попросила Тея. – Я переоденусь, и мы пойдем прогуляемся. Кстати, у тебя красивый костюм.

Мойша перешел в соседнюю комнату и остановился у

большого зеркала, оправленного коваными металлическими кружевами.

Костюм и правда хорош. Мамочка, мамочка, что бы он без нее делал. Она складывала копеечки. Экономила, крутилась как белка в колесе, надрывалась в бакалейной лавке, чтобы купить отличное черное английское сукно. И пойти к лучшему в городе портному.

«У меня лицо как пасхальное яичко, – подумал Мойша, изучая свое отражение. – Румяные щеки, голубые глаза, красные губы. И кудри мне мои нравятся, и нос, ну и пусть длинный. У Теи будет красивый муж».

Скрипнула дверь, прерывая его мысли. И сразу же – звонки-звоночки, девичьи голоса.

– Вернулась! Только вчера приехала и сразу же к тебе! Ах, Теечка, если бы ты знала, как хорошо в Европе!

– Беллочка! Ты прелесть! А эта пелеринка! Зеленая, зеленая! Господи, красота какая, дай посмотреть!

– Конечно, конечно. Примерь! Все тебе расскажу! Мы с мамой так хорошо отдохнули!

Мойша кашлянул, понимая: к невесте пришла подруга. Ну и охота ему сидеть за занавеской, пока они щебечут, будто веселые птички?

Тея все поняла правильно. До Мойши донеслось негромкое:

– У меня сейчас гости. Я к тебе вечерком забегу.

Хлопнула дверь, и Мойше вдруг показалось: его сердце

опустело.

Но вот появилась Тея, и непонятная тоска отступила, растопленная нежностью в глазах невесты.

Любимая женщина. Любимый город. Как приятно держать Тею за руку. А эти узкие улочки, вымощенные булыжником мостовые, редкие экипажи! Тоска по Витебску томит. Хочется скорее вновь пройти по Соборной улице. И чтобы вдалеке виднелся храм Успения Пресвятой Богородицы. И чтобы контора водопровода отгораживалась от зевак витыми металлическими решетками. И симпатичные маленькие балкончики оплетали искусно выкованные васильки.

Пьянея от ранней осени и счастья, Мойша медленно миновал Соборную улицу. Когда впереди показалась Двина, к горлу невольно подступил комок. Самая красивая река на свете! Нет больше нигде таких крутых берегов, спокойной широкой глади, зеленых пятен вдоль русла.

Приближающаяся тоненькая фигурка, кукольная в футляре светлого платья, идеально вписывалась в пейзаж.

Тея вдруг всплеснула руками:

– Белла! Ты тоже решила прогуляться? Знакомься, это Мойша Сегал, мой жених!

– Здравствуйте, Мойша!

Глаза девушки темные, прекрасные.

Все изменилось.

Все стало очень просто.

«Это моя жена, – подумал Мойша, поражаясь собствен-

ной решимости. – Это мои глаза, это моя душа. С ней, с ней, а не с Теей я должен быть…»

Когда он провожал Тею Брахман домой, то точно знал: это в последний раз. Но ему ни капельки не было грустно. Потому что его уже ждал и любил ангел. Самый лучший и добрый. Белоснежный до синевы…

* * *

Черное платье, длинное, без вызывающих вырезов и декольте, все равно смотрелось очень сексуально. Рост сто семьдесят пять сантиметров, тоненькие косточки, ни грамма лишнего веса. На такую фигуру любая одежда чаще всего садится идеально.

«Ване бы понравилось», – подумала Даша Гончарова, разглядывая в зеркале свое отражение, и осеклалась.

Вани. Ивана Никитовича Корендо. Отца Филиппа. И ее любовника. Больше нет. Завтра – похороны. А теперь надо ехать за телом в морг, потому что только сейчас эти тупые менты наконец разрешили забрать тело свекра.

Даша на секунду заколебалась, глядя на полочку с косметикой. Красить глаза или нет? Конечно, плакать она не станет. Хотя и жаль, что все так получилось. Но с уходом Вани исчезает столько проблем. Впрочем, исчезает и одно преимущество – в постели он ох как хорош. Был… Но что такое секс? Приятные минуты, не более того. Но все-таки, все-

таки, как Ваня умел сводить с ума. Прикосновения Филиппа после его ласк – потуги жалкого дилетанта сравняться с мастером, неуверенно, невозбуждающе, никак, одним словом…

Воспоминания о супруге прочертили тонкую горизонтальную морщинку на смуглом Дашином лбу.

…Внешность обманчива. Незнакомец, уверенный, красивый, расплачивающийся в ночном клубе «золотой» пластиковой картой, оказался слабым, то и дело неудачно вкладывающим деньги мелким бизнесменом. Единственное достоинство Филиппа – это то, что он сразу же отреагировал на Дашины намеки по поводу свадьбы.

– Хочешь – давай поженимся, – пробормотал он, умиротворенный, расслабленный после недавних постельных баталий.

И Даша быстренько потащила его в загс. Прекрасно осознавая, что этот мужчина – не самый лучший вариант. Но, что немаловажно, и не самый худший. Когда годы стремительно мчатся к тридцатилетней отметке, когда кроха дочь то и дело выпрашивает куклу и приходится все время считать, хватит ли денег заплатить за квартиру, если купить эту самую куклу, тогда есть стимул особо не привередничать.

Она толком так и не осознала, когда появилась вот эта необходимость – не привередничать. Столько планов было в молодости! Как сладко и отчетливо представлялось собственное лицо, горделиво взирающее на Москву с билбордов

вдоль проспектов! Как хотелось пережить нищету среднестатистической модели, получающей за показ пятьдесят долларов и сходящей с ума оттого, что за эти деньги надо купить белье, колготки, и губную помаду, и еще много чего.

И вот они – пятьдесят долларов. Когда будут следующие – неизвестно. Зато точно ясно, что если именно теперь согласишься поужинать с лысым жирным старичком, то будет проще. Девяносто девять из ста сделали бы одинаковый выбор. Но ведь даже один процент может не пробиться дальше занюханной рекламы убогих курсов в малоизвестной газете. Претенденток на модельную дольче-вита слишком много, мест для всех не хватает.

Постепенно показов у Даши становилось все меньше. А общения со старичками с практически отсутствующей эрекцией, но неизменно присутствующими стодолларовыми купюрами – все больше. Все без исключения Дашины приятельницы, оказывающие эскорт-услуги, относились к этому занятию философски. Ну да, проститутки. А что, лучше в провинции киснуть, терять молодые годы, спать с пролетарием-алкоголиком? Потому что те, кто не пролетарии и не алкоголики, давно навострили лыжи из своих урюпинсков в Москву!

Но Даша Гончарова такой внутренней установки не имела, и для того, чтобы отдать свое идеальное тело для исследования рукам, щедро усыпанным пигментными пятнами, ей требовалось сначала вино, потом коньяк, потом виски.

Из чьего скудного оргазма появилась Светлана, Даша не имела ни малейшего представления. Ее сознание давно находилось в параллельном измерении. Силы воли еще хватало на то, чтобы приводить себя в косметологический салон, парикмахерскую, к мастеру бикини-дизайна. А потом ехать к очередному клиенту. Но внутреннее время отсчитывали не стрелки часов, а украдкой сделанные глотки виски из крохотной фляжки.

Новость о беременности стала шоком. Отправляясь к врачу, она предполагала все, что угодно, – воспалительный процесс, передающуюся половым путем инфекцию, венерическое заболевание. Работа, как говорится, благоприятствует. Главное – чтобы не ВИЧ, все остальное, как известно, лечится.

И вот поди ж ты – ребенок. Как? Откуда? Не было незащищенного секса! И презервативы вроде бы не рвались.

– Ну уж не знаю, женщина, вам виднее, – улыбнулась на Дашины недоуменные мысли вслух врач. – Вас в женскую консультацию направить или будете прерывать беременность?

Первый порыв – аборт. Сделать – и никаких проблем. Но Даша вдруг посмотрела за окно, в плескающееся море голубого неба с ватными клочками облаков. И услышала свой дрожащий, но решительный голос:

– В консультацию, буду рожать.

Врач заулыбалась еще шире, принялась объяснять, какие

коррективы вносит в образ жизни ожидание малыша. Даша почти не слышала ее слов, лихорадочно соображая, как она выживет вдвоем с ребенком в городе, который никогда не дарит подарков, зато с завидной регулярностью предъявляет счета, и их надо оплачивать.

Но правду говорят: бог дает детей и на детей. Один клиент одолжил денег, второй помог договориться с бюрократами-чиновниками, и уже через два месяца Даша стала арендатором нескольких точек в крупных универмагах. Нанятые ею девочки упаковывали подарки, продавали открытки и прочие мелочи. Денег этот скромный бизнес приносил после выплаты налогов и зарплаты совсем немного, но их хватало, чтобы выжить. И самое главное – беременность подтолкнула Дашу к тому, чтобы бросить пить.

К счастью, на дочери далекий от идеального образ жизни мамы не сказался. Света родилась здоровенькая, голосистая и очень красивая. На нежном фарфоровом личике как капли яркой краски – ясные синие глазки в слипшихся длинных ресничках, пухлый красный ротик…

Но любоваться дочерью было некогда, проблемы сыпались одна за другой. И, возвращаясь то из мэрии, то из налоговой инспекции, Даша с тоской понимала: детство дочери проносится мимо нее. Это няня видит, как исчезают складочки на ручках, как меняется улыбка, как слегка темнеют льняные волосики Светочки. А она вынуждена целыми днями отстаивать свои несчастные малоприбыльные точки, от

которых головной боли больше, чем денег, но всем этим приходится заниматься, потому что надо как-то жить.

Филипп, вялый, безынициативный, подвернулся как раз кстати. Поужинать, переспать – здесь, конечно, всегда охотников хватало. А вот о более серьезных отношениях никто не заикался. Фактически она сама сделала Филиппу предложение. Ну и что? Сегодня женщинам приходится идти на многое из того, что традиционно считалось мужским делом. Главное не в этом. А в том, что Филипп не отказался.

В глубине души Даша никак не могла понять, зачем же он на ней женился. Влюбился? Любовь казалась слишком сильным чувством для этого парня. Он словно плыл по течению жизни, не прикладывая ни малейших усилий, не любопытствуя, не пытаясь что-то изменить. Появилась в этой бесконечной спокойной реке Даша – и Филипп ее подобрал. Показалась бы другая девушка – другую повел бы в загс, и красивое лицо с правильными чертами оставалось таким же невозмутимым, защищенным и от радости, и от горя.

Потом Даша поняла, почему муж именно такой – слабый, безвольный. Скучный и занудный – если уж называть вещи своими именами.

Почему же? А все просто. Лишь потому, что он может себе это позволить. У него есть отец. То есть, строго говоря, не отец, а отчим. Но Иван Никитович всегда относился к Филиппу как к своему собственному ребенку.

В семейном альбоме безмятежно улыбается эффектная

пара. Она – как Любовь Орлова, блондинка, в кудряшках вся, яркая, эффектная. Он – вообще особый случай. Такие лица, как у свекра, Даша видела только в глянцевых журналах.

– Я очень любил Танечку. Не могу себе до сих пор простить, что разрешил ей водить машину.

В голосе Ивана Никитовича, показывающего снимки, до сих пор слышалась не отшлифованная временем боль.

– Какое счастье, что у нее был сын. Филипп так похож на мать, – продолжал свекор, переворачивая страницы лежащего на коленях тяжелого альбома. – Снимков с похорон нет. Жену пришлось хоронить в закрытом гробу, наши «Жигули» были разбиты всмятку. Мне до сих пор ее не хватает. И я пообещал себе, что Филипп ни в чем не будет нуждаться.

Даша осматривала роскошные апартаменты свекра и думала о том, что мужу здорово повезло. Филипп халявщик – и может себе позволить вложить все деньги в рискованный бизнес-план, потому что есть отец, который всегда выручит, подстрахует.

Едва уловимые флюиды симпатии, исходящие от свекра, Даша почувствовала с первой же встречи. Кстати, он особо и не скрывал, что в восторге от ее внешности. Прямо заявил:

– Да вы, девушка, просто сногсшибательная инопланетянка. Серьезно. Ну и глазищи у тебя, Дашутка!

Это был отличный вариант: поменять сына на папу. Даша все просчитала мгновенно: денег больше, квартира лучше,

мужик эффектный, надо брать, пока не увели. А то, что он говорит, будто бы не намерен никогда больше жениться, – полная фигня. После гибели матери Филиппа столько лет прошло. Монахом он сто процентов не живет – губная помада что в его ванной делает, спрашивается. Поэтому, все больше уверялась Даша, никуда папочка не денется, влюбится и женится.

Но даже она, казавшаяся себе такой циничной, все же оказалась застигнутой врасплох. Свекор сам пошел на сближение. И так радикально…

Она забежала к нему в офис, чтобы передать документы. Ивану Никитовичу требовалось заверить перевод у нотариуса, секретарша приболела, и он попросил Дашу помочь. После того как с бумагами было покончено, она очень удачно объехала вечные многочасовые пробки. Едва припарковала машину у здания, полился сильный холодный дождь. И было так уютно сидеть в комнате отдыха, с чашечкой ароматного кофе в руках. И чувствовать на себе одобрительный взгляд свекра, невольно прислушиваясь к дроби стучащих в окно капель.

Все произошло так быстро и красиво, что Даша даже не успела опомниться. Невероятно! Как в кино!

Первый кадр – он забирает чашку и ставит ее на столик. Второй – неожиданный, а потому особенно чувственный поцелуй. Третий – Даша послушно становится у кресла.

Бесцеремонные уверенные пальцы задирают юбку, при-

спускают трусики и колготки. Щелкает «молния» брюк и…

Наглость и чудовищность происходящего неожиданно обострили чувственность. Оргазмы взрывались ежесекундно, как хлопушки на Новый год.

«Он меня…» – изумленно думала Даша и кусала спинку кресла, чтобы не закричать.

«А потом Филипп…» – и снова обивка гасит стон.

«Я дрянь, он сволочь, как же мне это нравится…»

Он застонал, потом выскользнул из нее, потянулся за салфеткой.

– Надо поставить здесь душевую кабину, – облизнув губы, хрипло сказала Даша. – Ну, и что все это значит. Инцест?

Иван Никитович недоуменно пожал плечами.

– Я бы попросил прощения. Но ты так хотела, я чувствовал, – пробормотал он. – Да, Филипп… Непорядочно, ужасно. Я не знаю, что на меня нашло. Я не контролировал себя совершенно. Ты инопланетянка. Вот ты кто. Я думаю, нам лучше не встречаться. И еще…

Даша слушала Ивана и мысленно усмехалась. Ага, дурочку нашел. Пара тысяч за развод, однокомнатная квартирка. Да есть у нее такая клетушка. Неудобно в ней вдвоем с ребенком. Продать – вариант из серии «дешево и сердито». Деньги имеют обыкновение заканчиваться. Иван Никитович – человек состоятельный. Или пусть раскошеливается на очень кругленькую сумму, или…

– Я скажу Филиппу, что вы меня изнасиловали, – спокой-

но заявила Даша и подтянула рукав блузки. – Вот, видите, и пальцы ваши. Синяки остались. Вы меня сжимали, как сумасшедший. И секретарши нет. Заманили и изнасиловали!

– Ах ты, сучка, – застонал Иван Никитович. – Что же ты со мной делаешь, а?..

Его брюки опять бугрились. И Даша потянулась к «молнии». Ей очень хотелось увидеть, как выглядит лицо Ивана, когда он кончает…

Паутина страсти, лжи, денег, любви, изматывающего секса, звенящих истерик держала их крепко, не отпускала, не ослабляла хватку.

Даша боялась, что Ваня все расскажет Филиппу. Что проговорится сосед, который видел, как тяжело дышали, выходя из лифта, свекор и невестка. Они и правда тогда не сдержались, не смогли дойти до квартиры… Страхов было так много, что иногда Даше казалось: смерть Вани – лучший вариант. Все деньги и имущество отойдут Филиппу. А она наконец сможет жить спокойно.

…«Нет, краситься не буду, – решила Даша и отошла от зеркала. – Пусть лицо отдохнет от косметики».

Зазвонил сотовый телефон, высвечивая в окошке фотографию супруга.

Вздохнув, Даша ответила на звонок и сразу же заругалась:

– Ты опять все перепутал! Тебе надо заказать венки и цветы! А место на кладбище пробьет Семирский. Он депутат, и вообще. Ну сто раз же тебе объясняла, неужели было так

сложно запомнить!

Она закончила отчитывать мужа и снова вздохнула. Это счастье, что у Ивана Никитовича есть такие друзья, как супруги Семирские. Они помогут решить все эти вопросы, связанные с проводами свекра в последний путь. Иначе можно было бы рехнуться. Филипп – сама беспомощность…

* * *

Плохо без сигареты. Нет, плохо – не то слово. Без сигареты все не так. Без нее не живется. Не думается. Нет, опять не подходит. Думается. Но лишь в одном направлении: фиксации степени страданий.

«Уж лучше бы не думалось! – уныло отметила Лика Вронская, подвергая экспертизе собственное состояние.

Во рту чувствуется стойкий ацетоновый привкус. В воздухе отсутствует что-то самое главное. Им не дышишь, этим воздухом вдыхаешь, царапая изнутри грудную клетку, выдыхаешь. Но словно бы не дышишь. Стучит в висках, кружится голова, как бывает высоко в горах, где меньше кислорода.

Обиженное воображение рисует жуткие картины. Пить кофе без сигареты. Торчать в пробках – и не курить. Не курить после обеда, не курить после секса. Не курить. То есть не жить? То есть вся жизнь сосредоточена в зловонных тлеющих палочках, а без них ничего не получится?

– Ну уж дудки, – пробормотала Лика, морщась от голов-

ной боли. – Я решила бросить курить – и бросила. Я сильная, и это плюс. У меня будет больше времени и денег. Не покупаешь сигареты – экономишь. Уменьшаются расходы на стоматолога и косметолога. К косметологу, кстати, вообще можно не ходить. Лицо буквально с каждым днем выглядит все лучше. Чистое, нежное, светится здоровьем.

Ее монолог прервал звонок сотового телефона. Лика посмотрела на дисплей, и сердце сразу увеличило темп, заторопилось. Оно тоже скучало по голосу этого мужчины.

– Tout va bien?[8] – не здороваясь, нервно поинтересовался Франсуа.

Лика сглотнула подступивший к горлу комок и кивнула.

– Je ne t'entends pas! Tout va bien?[9]

– Oui, tout va bien,[10] – вежливо соврала Вронская. И, чтобы не выплеснуть набежавшие слезы, уставилась на белоснежный потолок спальни. – J'ai rencontrйe des amis, j'ai dinйe chez mes parents. Je m'amuse bien.[11]

Ей хотелось сказать другое. Что губы просят его губ, как нищий вымаливает милостыню. Что за две ночи в Москве она фактически не сомкнула глаз, что тело привыкло к теплу и нежности, а больше ничего этого нет. Об этом хотелось

---

[8] У тебя все в порядке?

[9] Не слышу тебя! Все в порядке?

[10] Да, все хорошо.

[11] Я встречалась с друзьями, поужинала у родителей. В общем, замечательно провожу время.

сказать, но Лика молчала. Опять попадать в ту же ловушку? Из нее есть только один выход. Может быть, она его нашла и сумеет забыть о своей зависимости? От сигарет, говорят, сложно отказаться, а ведь получилось. Может, и мужчину бросить получится, выдержит…

Устав молчать, Франсуа заметил:

– Je t'entends trиs bien. Tu as un nouveau portable?[12]

Она на секунду запнулась. Как сказать по-французски, что вместо раскладушки у нее теперь слайдер? Никаких предположений не возникло, но Лика выкрутилась:

– Oui, je me suis achetйe le dernier modиle. J'ai decidйe d'arrкter de fume et j'ai balancйe mon portable avec le dernier paquet de cigarettes. Heureusement que j ai pu retablir le numero.[13]

Говорить о чем угодно. О ерунде – пусть, пусть. Самое важное – дольше. Тогда начинает казаться, что Франсуа близко-близко, что нет разделяющих их тысяч километров и ментальной хронической несовместимости. Расстояния между странами можно преодолеть физически, но духовный барьер остается. Во всяком случае, для них он существует, вне всяких сомнений.

Одновременно из Парижа понеслось в Москву, а из Москвы в Париж:

---

[12] Я очень хорошо тебя слышу. У тебя новый телефон?

[13] Да, я купила последнюю модель. Я решила бросить курить и вместе с последней пачкой выбросила мобильный. Хорошо, что номер удалось восстановить.

– Je t'aime…[14]

И в ту же секунду две руки нажали на кнопки, заканчивая разговор. Вышколенные синхронным сексом тела продолжали все делать одновременно и вне постели…

Отбросив телефон, Лика потерла под глазами согнутым указательным пальцем, тщательно подбирая закипающие слезы. Потом стала бесцельно мерить шагами спальню. Свою одинокую спальню, безнадежную, утомляющую, захламленную сухой листвой прошлого и свежими осколками недавних надежд.

Вот на столе рядом с ноутбуком гора дисков. На них записаны драйвера, программы и еще что-то труднопроизносимое. Но бывший бойфренд Паша это произносил. И даже любил – как и все программисты. Лика думала, что Пашина любовь распространяется не только на компьютер. Она и не ошибалась. Действительно, не только на компьютер. И не только на Лику. Видимо, любить одну женщину парню было скучно. А Лике стало скучно, когда она выяснила, что любимый регулярно ходит «налево». И вот эти диски, хрупкая блестящая пластмасса. Она оказалась долговечнее чувств.

На низкой, застеленной белым покрывалом широкой постели примостился коричневый медвежонок. Как было хорошо, проваливаясь в сон, приобнимать мягкое тельце и мечтать, что отношения с Франсуа, приславшим трогательный подарок, будут другими. Долгими, надежными. Не омрачен-

[14] Я люблю тебя.

ными ревностью и изменами.

Все не так. Все не то.

«Увы, – невесело думала Лика, машинально оглядывая комнату в поисках пачки сигарет, – к человеку не прилагается инструкция по правилам эксплуатации. А жаль. Здорово было бы прочитать, что человеческий экземпляр Лика Вронская несовместима с молодым человеком А, не должна эксплуатироваться мужчиной В, а предназначена исключительно для комплектации парнем С. Это ж скольких проблем можно было бы избежать!»

– Ах да, я же не курю, – спохватилась она. – Срочно требуется хорошая новость, иначе я совсем закисну.

Разыскав телефон, Лика набрала номер издательства, в котором выходили ее детективы. Однако успокоительным средством разговор с редактором так и не стал. Выяснилось, что публикация романов, запланированная на зиму, состоится ближе к лету.

Лика с досадой закусила губу. И тут облом! Но она все равно будет продолжать писать. Потому что это очень здорово: дробь на клавиатуре ноутбука, чужие жизни, которые примеряешь, как новые платья, горький дымящийся кофе в кружке с жабками и ночь за окном, внезапно превращающаяся в утро.

Воспоминания о творчестве оказали целебный эффект: курить Лике расхотелось.

Срочно за компьютер, и сочинять новую книжку, и опи-

сать все, что произошло за последнее время. У описания собственных переживаний масса преимуществ. Они получаются очень натурально, так как ничего придумывать не надо, бери свои эмоции и отмечай мельчайшие нюансы. А потом описанная боль исчезает, растворяется в ровных строчках, улетает, перестает мучить.

Лика быстренько объяснила, почему разбились амурные надежды главной героини. Потом, периодически бегая за валерьянкой, описала труп Ивана Никитовича Корендо и вдруг замерла. В сознании возникла четкая картина: девушка, постоянная героиня всех ее книг, выходит из подъезда, идет к своей машине. Но как выглядит подъезд? Что находится во дворе? Он тихий, или наполнен шумными возгласами играющей детворы, или прошивается, как очередями, визгом шин вечно снующих авто?

Воспоминания об этих деталях в памяти не задержались. Отчасти и неудивительно: Лика находилась в шоковом состоянии, жалела своего несостоявшегося любовника, сочувствовала родным антиквара и следователю Володе Седову. Расследовать это убийство, судя по всему, будет ох как непросто.

«А поеду и проверю, что за двор, какой район, – тряхнув волосами, решила Лика. – Дел на час, зато не придется придумывать описания. В придуманных деталях проще запутаться».

Набросив куртку, Вронская заторопилась к машине. Вер-

ный «фордик» оказался припорошен первым, но неожиданно обильным снегом.

– Рано в этом году, – с неудовольствием пробормотала Лика, орудуя щеткой. – Все к худшему, да что же это творится такое!

Четверть часа ушло на то, чтобы очистить авто. Потом еще пару минут Лика побуксовала в сугробе. Наконец рассвирепевший «Форд» рванул с места и помчался к дому несчастного антиквара.

Машинально следя за дорогой, Лика думала об Иване Никитовиче, и душу щемило от жалости. Корендо убили. Он мертв, его больше нет, и ничего не будет – ни интервью, на котором настаивала Лика, ни секса, которого хотел Иван. Но если внимательно присмотреться к этой жалости, то в ней различимы черные всполохи… пугающей радости.

– Он умер, а я жива, – бормотала Лика, паркуя машину возле элитной многоэтажки. Закрыв машину, она направилась к подъезду. – Придет зима, и вечная постель Ивана замерзнет. А я буду жить, и меня согреет бокал вина. Или чьи-то объятия. Интересно, это только я – такой моральный урод? Или что-то похожее творится со всеми?

– Нет! Когда умирает близкий человек, хочется оказаться на его месте. Да, это слабость. Возможно. Но сил не остается, их забирает смерть…

Раскрыв рот, Лика слушала монотонно бормочущую женщину и лихорадочно соображала. Ну да, она сошла с ума.

Тихо сам с собою я веду беседу – да еще на такую тему. Но эта-то дама – она тоже, мягко говоря, малость не в себе!

Быстрый осмотр случайной собеседницы выдал в мысленном компьютере Вронской следующий результат. Лет сорок пять – сорок семь. Одета неправильно – мешковатое пальто делает высокую полную фигуру еще грузнее, черная юбка, край которой безнадежно намок, излишне длинна. И – вопиюще некрасива. Нет ничего завораживающего в крупных чертах кавказского лица, которое безжалостная старость уже начала оплетать паутиной морщин. Обычно хоть глаза выделяются у восточных женщин или черная копна смоляных волос. А здесь безнадежно: взгляд невыразительный, волосы стянуты в хвост, что с учетом высокого лба тоже вряд ли можно назвать удачным сочетанием.

– Я здесь потому, что у меня умер очень близкий человек. Он жил тут, в этом доме, – бормотала женщина.

Лика насторожилась. «Надо же, какое совпадение! – подумала она. – Или это не совпадение, а специально спланированная якобы случайная встреча? Но зачем?! Надо все выяснить».

Вронская сочувственно вздохнула и поинтересовалась:

– А как вас зовут?

– Нино, – ровно сказала женщина. – Нино Кикнадзе.

– Как-то сегодня прохладно, правда? – для подтверждения своих слов Лика опустила лицо в воротник куртки.

И женщина сказала именно то, чего дожидалась Вронская:

– Видите, вот там, у перекрестка, такое симпатичное кафе с замерзшими огромными окнами…

* * *

«Что я здесь делаю? – ужаснулась Нино Кикнадзе, согревая озябшие покрасневшие пальцы о тонкую фарфоровую чашку, наполненную янтарным чаем. – Что я говорю? Эта девочка. Худенькая. Короткая куртка, джинсы заправлены в высокие сапоги, красный шарф обвивает шею. Шик поздней московской осени. Таких девочек никогда не останавливает грозное милицейское: „Регистрация есть у вас?“ А я, всю жизнь прожившая в Москве, каждый день показываю документы. Всю жизнь в Москве, а люблю не так, как любят русские женщины. Иван вошел в мое сердце и в нем остался. Навсегда…»

– Я не представилась. Меня зовут Лика Вронская. – Девушка щелкнула застежкой рюкзака, протянула плотный бумажный квадратик. – Вот моя визитка, правда, она старая. Тут только мобильный правильно указан. С этой редакцией я больше не сотрудничаю, так сложились обстоятельства. Последние полгода жила во Франции, недавно вернулась. А еще я пишу книги, детективы.

Сердце Нино сжалось. Боже, какая же она идиотка! Не надо было откровенничать с незнакомкой. Писательница, журналистка. И что же теперь делать?

– Знаете, мне пора, – отодвинув чашку, решительно сказала Нино. – Я правда очень тороплюсь.

– Никуда вы не торопитесь, – на лице Лики появилось досадливое выражение. – Вы испугались, что я журналист. Жалеете о случайно вырвавшихся словах. Я могла бы вам ничего не рассказывать. Но это было бы нечестно! Давайте все-таки поговорим. Представьте себя на моем месте. Мой друг – следователь, занимается расследованием убийства Ивана Никитовича Корендо. И вот я вижу вас на месте происшествия. Понимаете, я ведь тоже не могу делать вид, что ничего не произошло. Вам, похоже, был очень дорог этот человек, да?

И все-таки в этой настырной девчушке было что-то, мгновенно вызывающее доверие. Потому что больше ничем нельзя объяснить, что Нино испытала неимоверное желание все рассказать. Рассказать то, в чем она не всегда признавалась даже самой себе. И уж конечно, эта тема никогда не обсуждалась не то что с посторонними – с самыми близкими родственниками.

– С покойной женой Ивана мы знакомы сто лет. Вместе в медицинском институте учились, вместе в обмороки в морге падали, вместе ночами просиживали над книгами. Но только диплом Таня так и не получила. Забеременела от однокурсника, расписались они…

…Танина беременность стала для Нино первой практикой. То, что специализироваться будет на гинекологии, Ни-

но знала еще до поступления в институт. Дети – это ведь самое важное в жизни. Основа. Продолжение рода, смысл, счастье, любовь. Детки должны быть здоровыми. И репродуктивное здоровье женщины также надо постоянно контролировать. Чтобы, не приведи господь, никаких осложнений, чтобы женщина могла забеременеть, и выносить плод, и родить.

Но одно дело – гореть будущей профессией, с энтузиазмом постигать малейшие нюансы. И совсем другое – беременность лучшей подруги. Ответственно. Тревожно. Страшно.

Сама Татьяна, впрочем, ничего не боялась. Ожидание малыша придает женщинам силы, они психологически готовы к боли, да вообще ко всем трудностям и проблемам. Через все пройдут, все вытерпят. Лишь бы поцеловать крошечный лобик, и пушок волосиков, и атласные, в складочках, ножки.

Во время родов Танин муж, Сергей, потерял сознание. А ведь казалось бы – сам врач, должен был бы держать себя в руках.

– Устроили тут экскурсию, – ворчал принимавший роды доктор.

Ему, охая, вторила акушерка, а Нино, наблюдая за ходом схваток, гордилась и Сергеем, и Татьяной. Вот это правильно – всегда вместе, и в радости, и в горе. И боль, должно быть, не так пугает, когда рядом самый близкий человек.

В семье Кикнадзе такую ситуацию и представить нель-

зя. Отец, Вахтанг, всегда был для матери богом. Готовить ему еду, ухаживать, заботиться – вот в чем заключалась вся жизнь мамочки. И Китино даже о детях так не заботилась, как о муже. Московские друзья недоумевали: во время праздников столы для мужчин и женщин накрывали отдельно. Лучшие закуски – конечно же, мужчинам.

А здесь – роды, сложный, очень интимный процесс. И вместе. Уму непостижимо!

– У вас мальчик! – вытирая лоб рукавом халата, объявил врач.

В глазах Нино стояли слезы. Она знала и понимала мельчайшие подробности каждого действия медиков и даже помогала наложить Татьяне швы на разрывы промежности. Тем не менее ее не покидало светлое и волнующее ощущение праздника. Разве это не чудо, когда два любящих человека соединяются в ребенке! И вот он, мальчик, Филипка, почти четыре килограмма, пятьдесят восемь сантиметров. Чудо, счастье…

Ребенок быстро набирал вес, хорошо развивался. Все детские болячки – аллергии, простуды, воспаления – обходили малыша стороной. Дитя любви? Сын молодых родителей? Слава богу, что все складывается так удачно. Слава богу! Нино искренне радовалась счастью подруги. И заботилась о Филиппе, как о родном сыне.

Татьяна смеялась, когда Нино деловито расставляла на кухне банки с виноградным вареньем, бутылочки, наполнен-

ные ткемали, кругляши соленого сулугуни и несоленого имеретинского сыра.

– Куда нам столько! Себе оставь, – поддерживал жену Сергей и отщипывал кусочек мчади. – Как же вкусно!

– Грузинская кухня – самая лучшая в мире, это всем известно. И кукурузный хлеб мчади просто тает во рту, потому что его выпекают на специальных глиняных сковородках, кеци. Очень хорошо, что родственники из Грузии часто передают посылки. Такой сушеной хурмы на рынке никогда не отыщешь! Пусть Филипп кушает и растет здоровеньким!

Выпалив все это, Нино с умилением наблюдала за ребенком, колотящим крохотной ручкой по столу.

Сергей недоуменно пожимал плечами:

– Но он еще маленький, ты же сама понимаешь.

Нино все понимала, но очень сердилась, если от гостинцев пытались отказаться.

Филиппу исполнился годик, когда она подарила ему крошечный хевсурский костюм. Очень красивый, с маленькой курточкой из шерстяной материи, расшитой серебром. С гамашами, мягкими чувяками калмани. И куда же без папахи – лохматая, пастушечья!

Беда, беспощадная и непостижимая, пришла оттуда, откуда, по мнению Нино, уж никак не могла прийти.

Она боготворила горы. Величественные, со снежными макушками, заросшие зеленью. Они вызывали восхищение, немой восторг. Чистый прозрачный горный воздух. Свое-

нравные шипящие реки, овалы озер. Все это дарило столько счастья. Горы ассоциировались у Нино с родиной. Даже многоголосое пение на свадьбе младшей сестры, Китино, запомнилось не так сильно, как изумительный пейзаж, от которого было трудно оторвать взгляд.

И эти прекрасные горы убили Сергея. Он увлекался альпинизмом. Его товарищам удалось уцелеть в снежной лавине. Тело мужа Татьяны нашли лишь спустя месяц после трагедии.

Сказать, что подруга переживала, – значило не сказать ничего. Казалось, что Тани больше нет. Только ее оболочка, исхудавшая, почерневшая, продолжает машинально совершать какие-то действия. Или, что бывало чаще, не совершать.

Филипп хныкал в промокших штанишках. На кухне скапливалась немытая посуда. Нино приходила к Татьяне каждый день, и только это позволило спасти квартиру от пожара. Примостившись на стуле, Таня безучастно наблюдала, как плавится на плите кастрюля со сгоревшей кашей…

Иван полюбил Татьяну такой – с пустыми глазами, погруженную в свое горе.

– Кто это? – нервно спросила Нино, увидев Филиппа на руках незнакомого мужчины.

Таня равнодушно пожала плечами:

– Не знаю. В магазине встретила, сумки помог донести.

В этот момент мужчина посмотрел на Нино, и…

Потрясающие глаза. Они заставляют сердце биться силь-

нее, перепутывают мысли, и дышать тоже получается плохо.

Он что-то объяснял, наверное. Оглушенная, Нино смущенно попрощалась. Все стало понятно: подруга не одна, рядом с ней настоящий, чуткий, внимательный друг. Не важно, кто он, все равно, что знакомы всего-ничего. Мужчина с таким лицом не сделает ничего дурного.

Татьяна оттаивала долго. Но любовь Ивана помогла ей если не забыть о боли, то научиться с ней жить. Проявлять интерес, улыбаться, работать, растить сына. Жить…

Татьяна оттаяла, а Нино… В тот же вечер она сообщила родителям, что разрывает помолвку с Томазом. Жених, из хорошей семьи «московских грузин», был придирчиво выбран отцом. Вахтанг договорился о свадьбе с родителями Томаза, через полгода все должно было свершиться. Нино приняла решение отца покорно. К Томазу оказалось просто относиться с приличествующим невесте уважением. Красивый молодой дипломат, он приносил охапки роз, возил ужинать в лучшие рестораны. Он был бы хорошим мужем и отцом, в этом у Нино не возникало ни малейших сомнений. Но после встречи с Иваном она поняла: свадьбы не будет. Не стерпится, не слюбится, никогда.

И Вахтанг, поначалу взвившийся на дыбы, как пришпоренный скакун, посмотрев в глаза дочери, сказал:

– Будь по-твоему. Я вижу, ты все решила и пойдешь до конца. Кто он? Не русский, надеюсь?

Нино промолчала. Как признаться, что мечтаешь о муж-

чине лучшей подруги. Позор, неуважение. Не надо родным ничего знать об этом.

Какое-то время в семье напряженно ждали, что Нино приведет в дом нового жениха. Но Иван приходил в другой дом.

Как проходила свадьба Татьяны и Ивана, запомнилось смутно. Загс, начало застолья в ресторане – это память Нино еще зафиксировала. Красивая счастливая пара. Радоваться за них надо бы. И Нино отчаянно пыталась радоваться. Пыталась – и опустошала бокалы вина, чтобы хоть как-то усмирить, усыпить свое отчаяние.

Интуитивно Таня чувствовала, что муж нравится Нино. Но никаких попыток отдалиться от подруги не предпринимала. Ваня ее на руках носил, какие тут другие женщины.

И Татьяна действительно была для Ивана единственной, самой лучшей, безумно любимой.

Когда подруга погибла в аварии, Нино казалось, что она снова попала в тот же самый кошмарный сон. Заброшенный Филипп, безутешный Иван. Он безучастно принимал ее заботу, и хотя сердце изнывало от любви, Нино ни словом, ни жестом не показывала своих чувств. В такой ситуации это выглядело бы кощунственно.

Она просто его любила. И ждала. Всегда.

Иван лечил свою боль работой, но позволял Нино быть рядом, готовить еду, убирать квартиру. Ей уже начинало казаться, что все-таки самое заветное сокровенное желание может реализоваться.

– Вот деньги, купи мне костюм, пожалуйста, – говорил Ваня.

Или:

– Нинок, приготовь на ужин лобио.

И она спешила, торопилась из роддома в магазин, на рынок. Для Ванечки, для милого, только бы он остался доволен.

А потом развалился Советский Союз, но Иван как-то очень быстро из искусствоведа стал преуспевающим предпринимателем. У него было уникальное чутье на старину и, как выяснилось, деловая хватка.

Как же Нино им гордилась! Людям зарплату по полгода не платят, а у Ивана дом – полная чаша.

Потом как-то все совпало – его первые шальные деньги, сорокапятилетие. После юбилея любимого как подменили.

– Понимаешь, – сказал он, расправившись с ужином, – я вдруг понял, что живу неправильно. Время идет. Танечку не вернешь.

Нино замерла. «Сейчас, сейчас, сейчас…» – стучало в висках.

– У меня появилась женщина, Нино, – сказал Ваня, – ты мой друг и, я надеюсь, поймешь. Будет не совсем удобно, если ты вдруг придешь, и… В общем, не могла бы ты мне отдать ключи от квартиры?

Потом, вспоминая все это, она поражалась собственной выдержке. Не зарыдала. Не упала перед ним на колени. Не целовала его ноги, не молилась на чуть постаревшее, но та-

кое родное и любимое красивое лицо.

– Да, конечно, – пробормотала она. – Я помою посуду?

Задержаться рядом хотя бы на секундочку. Ради этого можно перемыть все, что угодно. Полы, посуду, унитаз и ванну. Все. Только бы еще секундочку.

– Отдыхай, Нино. Я сам.

Она пошла отдыхать. Выметаться вон. Уматывать. Как же больно, невыносимо, вот так бывает, оказывается…

…– И что, вы никогда больше его не видели? – спросила Лика, нервно постукивая пальцами по столу.

– Видела, мы общались еще какое-то время. Но потом он как с цепи сорвался. Менял женщин как перчатки, словно стремился добрать все то, от чего отказывался после смерти Тани. И я вдруг поняла, что того человека, которого я любила, больше нет. Это кто-то другой с его лицом, жуткий бабник, щеголь. Я не приходила в его дом, но общалась с Филиппом. Мальчик с гордостью рассказывал, что отец приводит в квартиру проституток. Я не понимаю, что происходит. Вы понимаете?

Вронская пожала плечами и сочувственно вздохнула:

– Седина в бороду, бес в ребро. Кризис среднего возраста. А вы замужем?

Нино покачала головой. Нет, мужа нет. Был раньше рядом хороший человек, звал. Но не пошла она за него. Она вообще не хочет замуж, потому что Иван, несмотря ни на что, живет в ее сердце.

– Я шпионила за ним. Да, это больно – видеть, как он каждый день ведет в свой дом новую женщину. Но я не могла этого не делать. Часами стояла во дворе. Лишь бы увидеть Ваню. Когда появилась эта девица…

– Какая девица?

– Даша, жена Филиппа. Так вот, она мне не понравилась с первого взгляда. И я не ошиблась. Она… Она была близка с Ваней!

Глаза Лики округлились.

– Как? Да вы что!

– Да. Я ничего не говорила об этом мальчику. Филипп очень хороший парень, очень добрый. И я решила: пусть ему сделает больно кто-то другой. А я не могу, не буду, – сказала Нино и на секунду закрыла глаза. Слишком тяжело вспоминать, как Ваня целовал эту девицу в своей машине. – Я думаю, она его и убила, эта тварь. Если может спать со свекром, то способна на все.

– А если Филипп? Узнал, пошел выяснять отношения?

Нино покачала головой. Филипп порядочный парень, он никогда не поднял бы руку на отца. Он любил Ивана. Знал, что тот не является родным отцом, но всегда называл его только папой.

Нет, его убила эта девка! Это совершенно точно!

«Лучше бы она убила меня, – подумала Нино и жестом подозвала пробегающего мимо официанта. – Я не могу без Ивана, вообще не могу. Его смерть меня уничтожила. Все

повторяется, опять трагедия. Только рядом со мной нет никого, кто бы мне помог все это пережить».

* * *

Нино ушла, а Лика еще долго сидела в кафе. Подходила официантка, приносила очередную чашку кофе, и Вронская все рассчитывала, что вот-вот ароматный напиток окажет свой бодрящий эффект. Но энергии не прибавлялось.

Она даже затруднялась объяснить, что больше повлияло на нынешнее шоковое состояние. Трагическая история Нино? Или новость о том, что Корендо был не просто бабником, а циничным мерзавцем?

«Как так можно! Уму непостижимо! Я ничего не понимаю, – думала Лика, тупо разглядывая сгущавшиеся за окном сумерки, уже подсвеченные фарами машин и вспышками рекламы. – Получается, картина Марка Шагала здесь ни при чем. Ивана Никитовича убил либо сын, узнавший правду об истинном лице папаши, или невестка. Нино в этом и не сомневается. Впрочем, девчонка могла узнать о картине. И, говоря протокольным языком, у нее появился корыстный мотив. Невероятно! Я видела Филиппа и Дашу, когда они приехали в квартиру отца. Даша выглядела такой расстроенной. Не представляю себе ее в роли преступницы!»

Наконец она заставила себя расплатиться и на ватных ногах направилась к выходу. Больше всего Лике хотелось за-

браться в постель и спрятаться под теплым пледом от этого мира. Он гнилой, если в нем происходят такие вещи, он страшный, противный и мерзкий.

Но домой Лика не поехала. «Надо все рассказать Седову, – решила она, заводя двигатель. – Пусть опера проверят информацию. И это надо сделать срочно. Даже если теперь я не очень-то скорблю о смерти Ивана Никитовича, его убийца разгуливает на свободе. Мне будет спокойнее, если преступника найдут и отправят за решетку».

Еще подъезжая к прокуратуре, Лика заподозрила что-то неладное. Двухэтажное здание, в котором работал Володя Седов, располагалось напротив районного отделения внутренних дел. Очень удачное соседство – следователи и оперативники могли быстро решать все производственные вопросы. Да и кофе с сигаретами им стрелять было друг у друга очень удобно. В этот вечер почти все окна РОВД были непривычно темными.

Володя раскладывал на компьютере пасьянс.

Не здороваясь, Лика выпалила:

– Что-то случилось?

Чужим голосом Седов пояснил:

– Девочку четырехлетнюю какой-то ублюдок изнасиловал и задушил. Мало того, что ребенок – еще и ребенок лиц кавказской национальности. Таджики вроде бы. Дело расследуется на самом верху, личный контроль министра. Все ГУВД на ушах, уголовный розыск работает в круглосуточном ре-

жиме. Оперов нет вообще, все мобилизованы на поиск преступника.

Когда к Вронской вернулся дар речи, она сквозь зубы процедила:

– Вот скотина… Как можно вообще ребенка рассматривать как сексуальный объект, а? Наверное, наркоман, да?

Володя пожал плечами:

– Еще ничего не известно. Мать оставила девочку у подъезда буквально на пару минут. Мороз вдарил, снега навалило. Говорит, куртку хотела надеть потеплее, и вот…

Накатившее желание покурить было таким сильным, что Лика спрыгнула со своего любимого подоконника и переместилась за стол в дальнем углу кабинета. Оттуда пачка сигарет, лежащая перед следователем, почти не просматривалась.

Справившись с минутной слабостью, Лика приступила к рассказу о встрече с Нино.

– Час от часу не легче! – Седов нахмурился и с досадой отложил ручку. – Да, я все пометил. Конечно, будем проверять, разбираться. Но, если честно, не очень-то я верю в правдоподобность этой версии.

– Почему? Женщина выглядела такой искренней.

– Лика, эта история для твоего романа. В жизни так не бывает.

– Это еще почему?

Пальцы Седова забегали по клавишам. Он открыл базу

данных и принялся за объяснения:

– Вот, пожалуйста. Мадам номер один. Пырнула сожителя ножом, потому что ей показалось, что он заигрывает с соседкой. Мадам номер два. Прирезала сожителя, так как он заявил о том, что прошла любовь, завяла морковь. Мадам номер три. Ей, кстати, я очень сочувствовал и даже дело оформлял так, чтобы ей срок скосить. Бывший муж-алкаш, проживал с ней в одной квартире, гонял и ее, и дочь. Она его боялась жутко. Он к ней с кулаками, она его ножом. У женской преступности есть ряд особенностей. Орудие убийства в большинстве случаев – нож. Вообще человека прирезать достаточно сложно. Но женщины умудряются это сделать. Один-два случайных, в порыве эмоций, удара, и все. Мужик в гробу, тетка на зоне. Корыстных мотивов в моей практике не было вообще. Женщины убивают из-за любви. А тут, с Корендо, все по-другому. Проломлен череп, картина исчезла.

– В любом правиле есть исключения, – разочарованно протянула Лика. – Я хотела тебе помочь.

Володя выразительно кивнул на пачку сигарет:

– Не возражаешь? Мать, так ты и помогла, спасибо. Но мне кажется, что у этой Нино с башней проблемы. Крыша у нее поехала на почве неразделенной любви. К тому же в деле Корендо есть такие моменты… Он ездил в Витебск, встречался с местным искусствоведом, специалистом по творчеству Марка Шагала. Но этот мужик показаний дать не смо-

жет. Убили Петренко Юрия, если не ошибаюсь, Леонидовича. Нутром чуял, запросил у белорусских коллег информацию по недавним убийствам. В общем, нет больше Петренко. Пока там ни задержанных, ни подозреваемых. Мрачно. Я планирую выявить и опросить людей, крутящихся возле искусства. Может, Корендо на тот свет отправил какой-нибудь сумасшедший коллекционер. А что еще делать? Со свидетелями по месту жительства убитого совсем глухо. Их мало, и все дают очень противоречивые показания. Кто-то видел, как примерно в то время, когда убили Корендо, в подъезд входил мужик. Некоторые говорят о незнакомой женщине. Результаты работы криминалистов не радуют. Отпечатков пальцев на орудии убийства нет. Надо разбираться. Кстати, тот звонок на сотовый Корендо. Номер определить удалось, но легче от этого не стало. Звонили из таксофона. Труба, короче.

– Чик-чик-чик! – подтвердила с сейфа Амнистия и принялась чистить перышки.

Лика Вронская нервно заходила по кабинету. Внезапно ее осенило:

– Может, тебе съездить в Витебск?

– Тебе точно пора новую книжку писать! – рассердился следователь.

– Я и пишу!

– Оно и видно! Знаешь, у меня сколько дел сейчас в производстве? Только в твоих романах следователи – народ мо-

бильный. Поехал туда, поехал сюда. Мать, спустись на землю! Мне с моими допросами и писаниной за булочками сходить некогда.

– Тогда я поеду в Витебск! Напиши мне, пожалуйста, все данные по Петренко. Кто занимается делом и все такое. Чтобы я в чужом городе точно знала, куда идти.

Володя с жаром принялся ее отговаривать. Говорил о том, что следственные материалы не предназначены для обсуждения с барышнями – пусть даже и с такими симпатичными, как Лика. Напоминал об опасности, о том, что она окажется совершенно одна, в другой стране, в незнакомом городе.

Когда он замолчал, Лика попросила:

– Ты данные-то напиши, пожалуйста.

Седов с отчаянием махнул рукой.

– Все бабы – дуры, – пробормотал он. – А ты – особенно!

Глава 3
Париж, 1911 год

В Париже Авигдор Меклер перестал отмечать Шаббат. Не до этого. И чересчур сложно. К тому же он слишком хорошо запомнил, когда его впервые не порадовал святой день…

…С приближением пятницы сердце всегда замирало от предвкушения. Скоро выходные, и вся большая семья соберется вместе, чтобы поговорить и помолиться. Зажгутся свечи как символ света и сознания, дарованного господом. И будут благословлены вино и хала.[15] Душа после молитвы становится чистой, наполняется светом и теплом. А еще Шаббат вкусно пахнет курицей и шолентом.[16]

Их семье есть за что благодарить господа. Отец Авигдора, Шмерка Меклер, – известный в Витебске купец. Меклерам принадлежат писчебумажный магазин и склад, расположенные на Вокзальной улице. Еще один такой же магазин, но даже с галантерейной секцией, находится на Канатной улице. И многочисленные участки земли, милостью всевышнего, папа тоже смог приобрести очень выгодно.

И вот – ни радости, ни благодарности, ни обычного в этот день покоя. А все потому, что накануне в гимназии появился

---

[15] Яичный хлеб, специально выпекаемый к Шаббату.

[16] Запеканка из картофеля, лука, фасоли и мяса.

новичок, Мойша Сегал.

Когда он вошел в класс, Авигдор сначала не понял, почему изучает его пристальнее, чем других новых учеников. Потом пришло озарение.

Да он сам ведь похож на Мойшу так, как будто бы Сегал – его родной брат. Та же курчавая шапка волос, те же четко очерченные губы. Одинаковая форма носа, общий румянец во всю щеку. Если бы не глаза – можно было бы сказать, что Мойша полная зеркальная копия, отражение Авигдора, изученное до мельчайших подробностей. А глаза слегка различаются: у Мойши более круглые и выпуклые, у Авигдора – миндалевидные, с чуть нависающими веками. Но все равно – сходство поразительное.

Все уроки Меклер неприязненно косился на бедное, потертое платье Мойши. Подумать только, этот оборванец похож на него, купеческого сына, и вообще…

Впрочем, раздражало не только внешнее сходство.

Да, похожи. Неприятно, но ничего не поделаешь.

Но откуда это желание ударить Мойшу по лицу? Почему-то хочется разбить в кровь его рот. А еще лучше зажать его рукой, чтобы Сегал не смог дышать, начал задыхаться, задрожал всем телом.

Уроки пролетели незаметно. Авигдор не помнил, о чем говорили учителя, что приходилось отвечать или записывать. Он был как в тумане. И очнулся от этого бреда лишь тогда, когда понял – он за зданием школы, колотит Мойшу

портфелем то по спине, то по голове.

Ярость терзала. Ненависть захлестывала волна за волной. Этот мерзавец испортил ему Шаббат! Что он о себе возомнил, оборванец?! Его не в чем обвинить, совершенно не в чем. Но в этом мальчишке есть что-то такое, от чего тяжелая плотная пелена застилает глаза…

Потом они долго не виделись. Авигдор, перейдя в коммерческое училище, и думать позабыл о негодном Сегале.

Но когда тот вошел в класс школы Иегуды Пэна, у Меклера вновь закололо сердце. С ноги на ногу переминалась его копия, и Мойша выглядел таким жалким, что его невольно захотелось приободрить добрым словом.

Авигдор позвал юношу к окну, где было удобнее писать. И тут же почувствовал, как возвращается забытая ненависть.

Что же с ним происходило?

О, он это понял, едва увидел первую работу Мойши Сегала. Двина, дома, церквушка. Этюд в фиолетовых тонах, глубокий, засасывающий, волнующий, неописуемый. Это был тот этюд, который хотел написать Авигдор.

Что сложного в этой работе? Ничего! Легкие линии, яркие пятна.

В воображении Авигдора все было именно так. Но то, что появлялось на холсте…

Мойша словно украл фантазии Авигдора, он взял те самые краски, положил мазки именно так, как полагалось! Его работа жила. Дышала. Она была восхитительно живой.

А возле холста Меклера Иегуда Пэн вздыхал и негодующе теребил бородку. Прекрасная мечта превратилась в убогое, жалкое, низменное воплощение. Отвращение к собственному творению было столь велико, что Авигдор едва удержал слезы. Он не разрыдался, не бросил школу Пэна лишь по одной причине.

Мойша так похож на него. Но Сегал же нищ, как церковная крыса. Так неужели у сына купца может не получиться так рисовать картины!

Должно получиться. Конечно, должно.

Просто надо присмотреться к тому, как рисует Мойша. Он же такой бесхитростный, откровенный. Проболтается, разумеется, проболтается и выдаст все свои секреты.

А Авигдор Меклер станет известным художником. Должен стать. Он живет лишь тогда, когда стоит у мольберта.

Расчет оказался верным. Мойша Сегал забыл или сделал вид, что забыл, давние детские обиды. Они вместе ходили на этюды. Их мольберты стояли рядом, когда глубокий овраг у дачи начинал наполняться клубами тумана, но… Нищий мерзавец писал так, что захватывало дух. На свою работу Авигдор взирал с неизменным отвращением.

– Смотри, вот так я смешиваю палитру. Вот мои краски. Это кисти, они прекрасны, – терпеливо объяснял Мойша.

Его кисти и краски были ужасающе дешевыми. Его секреты состояли в том, что он просто слушал Пэна.

Приблизиться к его таланту. Понять, как он это делает.

Все напрасно. Это невозможно…

Они стояли рядом. И рисовали пейзажи. Но как же Авигдору хотелось придушить Мойшу!

Да. Именно так. Задушить! Уничтожить. Целиком и полностью. Чтобы самим фактом существования Сегал не портил ему жизнь.

И, наверное, острая ненависть подсказала ему решение.

– Я хочу бросить Пэна, Мойша, – заявил Меклер, искоса поглядывая на мольберт заклятого друга. – Он не самый лучший учитель. Я чувствую, что взял у него все, что мог взять. И больше он мне ничего дать просто не может. Вот и решил поехать учиться в Санкт-Петербург. Если хочешь, отправимся вместе.

Он предлагал совместное путешествие и готовился услышать жалобы на бедность. Мойша не любил разговоры на эту тему, но иногда все же проскальзывало: трудно живет их семья, очень трудно. В такие моменты сердце Авигдора екало от счастья. Приятель с гордостью говорит о том, что ел на завтрак хлеб с маслом. Право же, смешно! Меклеры всегда завтракают пышными румяными пирогами!

– Я поеду с тобой, Авигдор, – сказал Мойша и улыбнулся. – Кстати, знаешь… твои ангелы зеленого цвета…

«Сумасшедший, – удовлетворенно подумал Меклер. – Сумасшедший. В Санкт-Петербурге он окончательно сойдет с ума. Или его посадят в кутузку. Как бы то ни было, я перестану пристально вглядываться в его лицо. И мне больше не

захочется упасть перед его мольбертом на колени…»

Первоначально они планировали поступить в Училище технического рисования барона Штиглица.

Но – провал. И горячая волнующая радость обжигает Авигдора. Работы Мойши не произвели совершенно никакого впечатления!

В школу Общества поощрения художеств их приняли, но буквально с первых же дней обучения стало понятно: Мойша всегда будет первым. А Авигдор последним.

Как унизительно: Сегал давал ему свои этюды. Приходилось стирать подпись Мойши, ставить свою. А что прикажете делать, если собственные работы Меклера бородатый, вечно бормочущий стихи Николай Рерих все время просит переписать?!

Авигдор принимал помощь друга. И с тайным наслаждением наблюдал, как тот бледнеет от голода и жалуется на то, что снимает угол в ужасном доме у Мойки, откуда все время несет гнилью.

Мойша слишком горд для того, чтобы просить о помощи, Авигдор слишком сильно его ненавидит, чтобы помочь…

Через полгода их учебы в Санкт-Петербурге Меклера отчислили за неуспеваемость. А Сегалу дали стипендию, освободили от платы за обучение.

Жить и не рисовать? Но что это за жизнь!

Рисовать, но не получить признания? Никогда ни родители, ни родственники не скажут: «Авигдор – знаменитый ху-

дожник»?

Нет!

Нет!!

НЕТ!!!

Меклер решил: «Пусть меня отчислили в Санкт-Петербурге. Ну и что? Велика потеря. Скучный, навязший в зубах академизм – зачем вообще ему учиться? Будущее живописи в другом. Мекка всех художников – Париж. Туда и отправлюсь!»

Меклеру хотелось эффектно попрощаться с Сегалом. Пригласить заклятого друга в ресторацию, заказать шампанского.

Но во время случайной встречи ему рассказали последние новости про Мойшу.

– Представляешь, он покинул школу Общества поощрения художеств! – глаза чахоточного бледного художника в кургузом сюртуке сияли восхищением. – И поступил в школу Званцевой, и учится у самого Бакста! Какой же он талантливый!

Такой щенячий восторг – это уже слишком. Авигдор не стал встречаться с Мойшей перед отъездом. Он пригласил в ресторацию всех, кроме него. Шампанское лилось рекой, и все желали Меклеру успеха. И даже поверилось, что успех обязательно придет.

Авигдор решил подписывать свои картины именем Виктора Меклера. По-французски это можно написать так:

Victore M'йclaire.[17] Очень символично…

О, Париж!

Комната на двоих с Осипом Цадкиным. Мастерская Энджальбера. Кафе на Монпарнасе, красотки у Булонского леса…

Но самое главное – можно писать картины. Можно дышать. Можно жить, потому что… потому что без Мойши, талантливого, успешного, очень хорошо живется.

…И жилось до сегодняшнего дня.

Сегодня Авигдору принесли телеграмму от Сегала. Друг сообщал о том, что приезжает в Париж, и просил встретить его на Северном вокзале.

Первый порыв: не ходить.

Но Авигдор все же повязал самый яркий галстук, надел пальто и отправился на вокзал.

Поезд опаздывал, и это давало время подумать о Мойше. Все вспомнить. И снова представить, как было бы замечательно размозжить его курчавую башку…

* * *

Основной наплыв посетителей в Музее Марка Шагала весной и летом. Международные Шагаловские дни, Славянский базар. Тогда Кирилл Богданович просто с ног сбивает-

[17] Досл. перевод: «Победа меня осенит».

ся, одна экскурсия за другой, и отрабатывать их надо по полной программе. Гости-то высокопоставленные, хочется рассказать о великом художнике как можно лучше.

А осень, зима – мертвый сезон. Вот и сегодня – ни одной экскурсии.

Кирилл посмотрел на часы и подумал: «Через час можно закрывать музей».

Он вышел из-за стойки, расположенной в прихожей. Раньше здесь была бакалейная лавка, в которой торговала всякой всячиной мать Марка Шагала. И теперь этот уголок тоже сохранил прежнее назначение: на полках расставлены сувениры, книги о Витебске, альбомы с репродукциями картин.

Протерев пыль под стеклянной витриной, Кирилл отложил салфетку и принялся придирчиво осматривать комнаты, где жила семья Шагал. Большинство предметов быта, мебель, посуда – просто вещи того периода, похожие по мемуарным описаниям на обстановку дома. Но тем не менее предметы старые, и за их состоянием надо следить.

Все оказалось в идеальном порядке. Столик, стоящие на нем деревянные подсвечники, печь, на которой примостился тяжелый железный утюг, находящаяся на кухне колыбелька.

Крошечный домик на Покровской улице всегда наполнял сердце Кирилла умиротворением. Тесные комнаты, низкие окна. Как здесь развился талант, восхищающий целый мир, – совершенно непонятно. Может, поэтому дом выглядит так трогательно.

Из кухни Кирилл вышел во внутренний дворик. Достав сигареты, он прислонился спиной к стене и пару минут любовался установленным здесь небольшим памятником. Скульптор Валерий Могучий уловил главное в творчестве Шагала – неимоверную, обезоруживающую доброту и светлую энергию. Кажется, что молодой Марк собирается играть на скрипке. Но вместо струн на инструменте – витебские домики, церковь. Этот памятник всем – и гостям, и витебчанам, и сотрудникам музея – нравился куда больше того, что был установлен в начале Покровской улицы. Большинство сходилось во мнении, что там художник похож на слегка перебравшего усталого человека, за душой которого летит ангел.

На глаза Кирилла набежали слезы.

– Как обидно, – пробормотал он и с испугом огляделся по сторонам. Свидетелями его слабости оказались лишь припорошенные снегом яблони. – В Беларуси нет ни одной картины Марка Шагала. Наш художник, наша история, и вот такая досада. Но еще более обидно, что, если бы не этот придурок Петренко, все могло быть иначе.

Затушив окурок, Кирилл вернулся в прихожую, уселся на стул за стойкой и в отчаянии обхватил голову руками.

Возможно, полотно Шагала украсило бы Национальный художественный музей. Это был бы фурор, сенсация.

Только Кирилл, и никто другой, виноват в том, что этого не произошло. После смерти Юрия он провел собствен-

ное расследование. И выяснил, что к Петренко приезжал известный московский антиквар и коллекционер Иван Корендо. А потом, случайно переключая каналы в квартире очередной подруги, Кирилл наткнулся на криминальную программу. Корендо мертв, из его квартиры предположительно исчезло полотно Марка Шагала, равнодушно сообщил репортер. Причинно-следственные связи прослеживались четко.

«Не надо было посвящать Юру в подробности своих архивных исследований, – думал Кирилл, потирая левую часть груди. Сердце нещадно кололо. – Но я же не знал! Я ему сочувствовал, в его жизни не было ничего, кроме работы. И мне казалось, что он порядочный человек, у которого и в мыслях нет совершить такое чудовищное преступление перед собственным народом!»

Нет! Нельзя вот так безучастно сидеть и посыпать голову пеплом! Надо действовать, надо пытаться исправить ситуацию. Но как? Может…

Продумать план действий Кирилл не успел. Звякнул колокольчик над дверью, в музей вошла невысокая блондинка и изумленно застыла на пороге. Ее зеленые глаза выражали такое искреннее недоумение, что Кирилл усмехнулся. Да, его внешность никак не соответствовала традиционному облику работника музея. «Вам бы спортивные тренажеры рекламировать», – заметила как-то одна из посетительниц.

– Добрый вечер! – сказал он, поняв, что блондинка все

еще не пришла в себя. – Вы можете купить билет на самостоятельный осмотр музея. Или же я проведу вас по комнатам и расскажу об экспонатах, но это будет стоить чуть дороже.

– С экскурсией, – улыбнулась посетительница, доставая из рюкзачка портмоне. – Только помогите мне, я совсем не разбираюсь в ваших денежках.

Несмотря на то что сейчас у Кирилла не было совершенно никакого настроения проводить экскурсию, он вежливо поинтересовался:

– Вы откуда?

– Из Москвы.

– В командировку приехали?

Гостья кивнула:

– Что-то вроде этого. У меня здесь вот какое дело…

Кирилл решительно прервал ее щебетание:

– Простите, музей через полчаса закрывается. Ну что, пойдемте? Вот ваш билет.

Он начал быстро показывать экспозицию, заученно, без души, рассказывая биографию художника.

«Да ей побоку Шагал, Витебск и все такое, – решил Кирилл, наблюдая за посетительницей. – Ошалела от моей рожи – раз. Сюда пришла, наверное, просто чтобы отметиться, – это два».

– Скажите, а может ли вдруг обнаружиться неизвестная ранее работа Марка Шагала?

Кирилл вздрогнул. Что-то в интонации этого вопроса ему

очень не понравилось.

«Еще одна охотница за полотном?» – подумал он с неприязнью, а вслух любезно сказал:

– В позапрошлом году на аукционе в Минске была продана картина. За 65 тысяч долларов. Правда, Шагаловский комитет дал заключение, что картина не была написана Марком Шагалом. Однако в объективности такого утверждения многие сомневаются. В общем, откуда-то же полотно появилось. Марк Шагал часто переезжал с места на место. Есть информация, что часть работ осталась в Париже. Шагал ведь планировал жениться на Белле Розенфельд, а потом вернуться во Францию. Картины, оставленные в Париже, исчезли. Позднее, убегая от большевиков, он вывез не все свои работы. Так что теоретическая возможность обнаружить полотно кисти великого Марка Шагала имеется.

Не то чтобы Кирилл говорил неправду. Он не считал нужным говорить все, о чем знал…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.